

Александр АЛЬБЕРТ

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

ХРОНИКА НАЧАЛА ВОЙНЫ

СУПЕР Издательство

Александр Альберт

**Десять дней. Хроника
начала войны**

«СУПЕР Издательство»

2017

УДК 94
ББК 63.3(2)622

Альберт А.

Десять дней. Хроника начала войны / А. Альберт —
«СУПЕР Издательство», 2017

ISBN 978-5-9500170-9-4

«В 19 часов 10 минут сержант Залётов получил в оружейке наган дореволюционного образца, три патрона к нему, и, во главе своего отделения в составе девяти человек, вооруженных штык-ножами, выступил на охрану недостроенного дота (долговременной огневой точки), расположенного практически на нейтральной полосе, отделяющей СССР от оккупированной немцами Польши...»

УДК 94
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9500170-9-4

© Альберт А., 2017
© СУПЕР Издательство, 2017

Содержание

День предыдущий. 21.06.41	6
День первый. 22 июня 1941 года	10
23.06.1941 г. День второй	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Альберт

Десять дней. Хроника начала войны

*ПАМЯТИ ОТЦА, ПЕРЕЖИВШЕГО УЖАСЫ ВОЙНЫ,
ДЕДУШКИ И ТРЁХ ДЯДЕЙ, ПОГИБШИХ НА НЕЙ.*

*ПАМЯТИ МИЛЛИОНОВ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ БРОШЕННЫХ В
ПЕКЛО ВОЙНЫ И НЕ ВЕРНУВШИХСЯ К РОДНЫМ ОЧАГАМ.*

© А. Альберт, 2017

© ООО «СУПЕР Издательство», 2017

* * *

День предыдущий. 21.06.41

В 19 часов 10 минут сержант Залётов получил в оружейке наган дореволюционного образца, три патрона к нему, и, во главе своего отделения в составе девяти человек, вооруженных штык-ножами, выступил на охрану недостроенного дота (долговременной огневой точки), расположенного практически на нейтральной полосе, отделяющей СССР от оккупированной немцами Польши.

10-й отдельный мотомеханизированный инженерный батальон, в составе которого с октября 1939 года служил Михалыч, как называли его между собой подчиненные, был срочно сформирован сразу после освободительного похода в Восточную Польшу и занимался строительством оборонительных сооружений на новой границе. Сержант, по довоенной профессии учитель, удивлялся – оборонительная полоса проходила местами по нейтралке. Мысли на этот счет были разные, в том числе и та, что полоса прекрасно подходит для наступления, для броска на Запад, где в ста километрах лежала занятая немцами Варшава.

Бойцы, а контингент батальона был в основном крестьянский, знакомый с топором и лопатой, постоянно обращались к своему «комоду» – командиру отделения – с разными вопросами, на некоторые он ответить не мог, а догадки строить боялся. Разговоры велись, в основном, вокруг слухов о войне, но немцы, дозоры которых регулярно появлялись на той стороне речки, вели себя смирно, никакой агрессивности не проявляли.

Местное население было сильно прорежено органами после установления советской власти и неохотно, с нескрываемой боязнью, вступало в контакты с красноармейцами. Препятствовал этому и язык – своеобразная смесь польского, украинского и белорусского.

Между тем солнце стояло еще высоко над горизонтом, было жарко, лесная пыль, мягкая и ленивая, садилась на обувь идущих. И, глядя на эту пыль, Михалыч вспомнил свое детство. Боже великий! Какое счастье было бежать по лесной дороге, возвращаясь домой от стада, где ты был подпаском, поднимая босыми ногами ленивую, похожую на воду, пыль, мягкую, бархатную. Тень от заходящего солнца перегоняет тебя, она все дальше и дальше убегает, уродливо изгибаясь в колдобинах, дорожных рытвинах. Ты бежишь домой, где ждут блины с медом на ужин, стакан молока. Потом теплая печка и сон, глубокий, до утра.

Михалыч с трудом отогнал видение, оглядел бойцов – непорядок! Расстегнули пуговицы, некоторые сняли ремни и повесили их на шею, но, размягченный воспоминанием, не стал делать замечание – часть не строевая.

На подходе к объекту, находившемуся в стадии завершения, увидели бойцов второго отделения во главе с сержантом Володиным, которым не терпелось побыстрее сдать смену, поужинать, и, с темнотой, посмотреть на спортплощадке кинофильм «Веселые ребята», о котором, захлебываясь от восторга, говорили видевшие его еще на гражданке.

Поздоровавшись с бойцами, Михалыч с отделенным пошли обходить стройку. Миша Володин, молодой парень из Подмосковья, невысокий, крепко сбитый, весь как бы округлый, перед войной окончил строительный техникум и поэтому здесь являлся негласным прорабом. Гласный прораб – старший лейтенант Куцых, на стройке появлялся редко, переложив ответственность на Володина.

Слушая вполуха Мишу, сыпавшего строительными терминами, часть которых Михалыч не понимал, он внезапно перебил его на полуслове:

– Ты скажи главное – когда стройка закончится? Когда мы военным её передадим?

– Не раньше чем через месяц, думаю. Если рабсилы не подбросят.

И вдруг остановился:

– А знаешь, Михалыч, странно – сегодня на той стороне ни одного патруля не было, будто всё вымерло. Никогда такого не было!

Сердце у Михалыча ёкнуло, сразу стало не по себе: «Господи, пронеси!» – подумал он, но Володину ничего не сказал.

– Дальше не пойдем, верю я тебе.

Они вернулись к гомонящим между собой бойцам, Володин скомандовал привычное: «В шеренгу по два становись! Направо! Шагом марш!» и повел отделение в сторону заставы.

Михалыч построил своих, разделил девятерых человек на три смены по четыре часа и присел на доски, заготовленные для обшивки внутренних помещений дота. Закурил. Тут же задымили и оставшиеся, рассевшись рядом. Молчали, думая о своем.

– Товарищ сержант, а правда что война будет? – это Ваня Липатов, паренек из-под Курска, нарушил тишину, повернувшись к командиру с надеждой услышать истину в последней инстанции.

Михалыч не торопился отвечать. Несмотря на пакт о ненападении, на приграничную тишину, тревога витала в воздухе.

– Да не должно быть войны, мы же с немцами друзья теперь, – усмехнулся он, подумав про себя, что не могут быть друзьями Сталин и Гитлер. Больно много нахал Адольф в Европе, теперь ему нужно жизненное пространство на Востоке. Но думал сержант не о нападении Гитлера, а о нашем нападении на него. Даже этот дот на нейтралке говорил о подготовке удара стоявшими за спиной силами в виде 10-й армии. Неделю назад он ездил в Белосток за материалами и из окна полуторки видел и танки, стоявшие на опушках, и свежевырытые окопы.

В самом городе сновали военные, он заморился отдавать честь. Нет, война не начнется, пока мы не подготовимся, пока не достроим все. Володин сказал – месяц? Ну, может и не месяц, а недели три в запасе еще есть.

– Война, конечно, может и будет, но не скоро, – уверил он своих подчиненных. И чтобы прекратить этот неприятный разговор, обратился к ребятам:

– Вы же почту сегодня получили – что пишут?

Ребята наперебой начали делиться полученными новостями. Кто-то вспомнил, что не успел перед призывом жениться. И, слава Богу, что не успел – невеста его, о чем сообщил в полученном письме дружок, уже нашла замену. Разговор перекинулся на эту безграничную тему. Михалычу это было неинтересно. Он встал и прошел по траншее в дот.

Солнце висело над дальним лесом, его лучи проникали в бойницу. Присев на лавку, он достал из кармана гимнастерки полученное и наспех сразу же прочитанное письмо с вложенной фотографией двухлетнего сынишки. Он долго смотрел на лобастое белобрысое сероглазое лицо, стараясь определить, – на кого же он больше похож? Решив, что все-таки на мать больше чем на отца, он положил её в нагрудный карман гимнастерки, а само письмо внимательно перечитал ещё раз и затем отправил туда же.

Через второй выход поднялся на поляну перед дотом, снова закурил.

Стояла удивительная тишина. Расплавленный шар солнца опускался на запад, за лес, от деревьев потянулись длинные тени. В низинке, впереди, начал собираться лёгкий туман, в оставшихся, после расчистки секторов обстрела, редких кустах одинокий соловей пропел пробные трели. О войне не думалось. И, глядя на этот туман, остро вспомнил, как сидел над речкой у отцовского дома с будущей женой, как так же тянулись длинные тени от цветущих черёмух, как так же тянуло холодом от бегущей в низине речки.

Захотелось домой к жене и сыну, к куче сестер. Память услужливо извлекла их образы: старшей, рассудительной и серьёзной Нины, бойкой хохотушки, плясуньи и певицы Шуры, светленькой, в веснушках, скромной Ани. Младшая из сестер, восьмилетняя Верочка, больше всех унаследовала смуглую восточную красоту мамы. Она была общей любимицей,

может быть ещё и потому, что при взгляде на неё сразу вспоминалась мать, умершая спустя два года после рождения дочери. Оставшись без матери, сёстры были дружны, охотно делились и радостью и горем. Отец, возглавивший сельскую народную школу ещё до революции, был постоянно занят ею. Хозяйство держалось на сёстрах. Жили бедно, но и среди этой бедности находилось место шуткам, веселью и смеху.

Тяжело вздохнув, Михалыч затушил папиросу, спустился в дот и прилег на деревянный, устланный двумя ватниками, топчан. Зажег спичку, посмотрел на карманные часы, подаренные тестем на свадьбу. Было без десяти полночь 21 июня 1941 года.

Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер в половине двенадцатого ночи закончил читать подготовленное для фюрера донесение, подписал его, и, вызвав дежурного адъютанта, отправил его адресату.

Всё шло по плану, по прекрасному, придуманному фюрером, плану. Русские не принимали каких-то ощутимых, видимых действий, указывающих на подготовку к отражению нападения. Только на участке перед фронтом 8-го армейского корпуса генерала Гейца противник начал занимать позиции.

Но эта мелочь не могла вызвать той тревоги, которая нарастала по мере приближения к часу «Х». Что ждет – победа, крах? Три предыдущих года показали, что всё задуманное Гитлером невероятным образом осуществлялось. Чехословацкая армия, спрятавшись за хорошо организованными оборонительными сооружениями, была явно сильнее. Но и что? Она сдавалась, не сделав ни одного выстрела.

Гальдер разделся и лег в заботливо согретую женой постель.

Фюрер германского народа, победитель Европы, Адольф Гитлер долго не мог уснуть. Последний доклад Гальдера ещё раз убедил его в правоте начала великой миссии – захвате жизненного пространства на Востоке для его богом избранного арийского народа.

Он переиграл этого азиата. Гитлер до самого последнего момента боялся, что Сталин разгадает его замысел, что его разведка, что-то да установит.

Но, слава Богу, пронесло!

До самого последнего дня шли поезда из России с так необходимыми Германии товарами. Полтора миллиона тонн зерна, тысячи тонн хлопка, один миллион тонн нефти, 2700 кг платины, широкий набор стратегических руд, таких как марганец и хром, без которых невозможно создать качественное оружие. Эти товары оченьгодились для разгрома армий Франции и карликов типа Бельгии. Россия поставляла товары даже тогда, когда долг Германии превысил 240 миллионов марок! Сталина, пожалуй, надо бы наградить германским орденом! Кстати, последний поезд с грузом пшеницы и угля пересек мост в Брест-Литовске сегодня в 6 часов вечера.

Адольф злорадно ухмыльнулся, подумав, что Сталин, ослепленный и запуганный мощью рейха, чуть ли не на коленях вымаливает отсрочку нападения.

А ведь все было предрешиено значительно раньше – в 1924 -26 —м году, когда в «Майн Кампф» он написал: «Нельзя ни в коем случае забывать, что нынешние правители России – с головы до ног запятнанные кровью преступники, что в данном случае – подонки общества; пользуясь благоприятными для них обстоятельствами, в трагический для страны момент, разрушили великое государство, втоптали в грязь и уничтожили миллионы образованных людей из-за одной единственной страсти к кровопролитию, и что вот уже почти десять лет они правят, как дикие тираны, которых прежде не видывал свет...

Международное еврейство, которое на сегодняшний день безраздельно властвует в России, не смотрит на Германию, как на союзника, но как на государство, призванное разделить судьбу России».

Гитлер довольно улыбнулся – память не подвела его. Он вспомнил потуги международного еврейства в лице Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Курта Эйснера втянуть Гер-

манию в анархию революционной бойни. А потомок иудея Карл Маркс, заваривший всю эту коммунистическую кашу? Вечный позор Германии должен быть смыт кровью его последователей – большевиков-марксистов России!

Да, Германия под его руководством сейчас представляет единый, сплоченный идеями национал-социализма, лагерь. Гигантские строительные работы, осуществлённые государственной службой труда, позволили закалить миллионы юношей и девушек, сделав их пригодными для службы в армии и рейха. За пять лет было построено 7000 километров автобанов – магистралей шириной 24 метра с двадцатисантиметровым бетонным покрытием. Спасибо «Крафт дурх Фройде» – (Сила через радость), поднявшей моральный дух в среде рабочего класса, которому стали доступны билеты в театр, многочисленные базы отдыха, два новых круизных лайнера, доступные каждому народные автомобили «Фольксваген», – все это позволило населению забыть ужасы жизни после поражения в мировой войне.

Сегодня Германия – один фюрер, один народ, одна страна, одна армия!

Командир третьей роты 113-го мотопехотного полка обер-лейтенант Файг находился в ночь на 22 июня в 200-х метрах от границы. Ожидая начала атаки на Россию, он вспомнил, как 20-го июня верхом на велосипеде в крестьянской одежде и с граблями в руках перешёл границу для корректировки на местности будущих боев.

Начальник Генерального штаба РККА генерал армии Жуков был уверен в неизбежности войны с Германией. Его, опытного военного, не могли провести никакие заявления – ни наши, ни немецкие. И сейчас, в эти дни, главным было одно – когда начнут? Как подготовиться?

Только что для военных советов Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов была подготовлена директива о возможных провокациях со стороны немцев, сейчас генерал Ватутин выехал в Генеральный штаб для передачи её в округа.

Вместе с Тимошенко они непрерывно находятся у Сталина, работникам Генерального штаба приказано не покидать рабочих мест.

Генерал танковых войск Гейнц Гудериан находился в войсках с 15-го июня, проводя непрерывные рекогносцировки по фронту расположения своих войск. Со своего временного НП он наблюдал развод караулов на плацу Брестской крепости, ему были видны все береговые укрепления вдоль реки Западный Буг – они не были заняты войсками. Да и работы по укреплению были далеки от завершения. Русские явно не ждали нападения и в штабе высказывались мнения, что для сохранения момента внезапности нет нужды проводить артиллерийскую подготовку.

Развёрнутые на восточном фронте вооружённые силы Германии и её союзников насчитывали 4 306 тысяч человек. в их распоряжении находились 42600 орудий и миномётов, 4170 танков и штурмовых орудий, 4846 самолётов.

Им противостояли убаюканные сталинской пропагандой о своей несокрушимости 3 088 тысяч человек, оснащённых 57 041 орудием и миномётами, 13 920-ю танками и 8 974-мя самолётами. Их подпирали прибывшие с востока 201700 человек с 2 746-ю орудиями и миномётами и 1763-мя танками.

День первый. 22 июня 1941 года

Михалыч проснулся от осторожного подергивания его плеча:

– Товарищ сержант! Товарищ сержант! – почему то тихо, почти шепотом, будил его Максим Шевелёв, первогодок из подмосковной деревни Мамыри. Увидев, что сержант встает, он, опять же шёпотом, быстро:

– Там командир стоит, старший лейтенант...

– Где там? – ничего не понимая, спросил Михалыч.

– Там, наверху, от немцев пришел.

– От немцев? Наш командир?

– Да! Он вас требует. Сначала на той стороне шум был, даже стреляли, а потом он пришел....

Михалыч, ничего не понимая, надел ремень с кобурой. Зажёг спичку – пять минут второго.

Наверху было темно, на востоке небо только-только начало алеть.

– Кто здесь? – вглядываясь в силуэты трех человек, спросил Михалыч.

От стоящих отделилась фигура, подошла ближе. В слабом свете звёзд Михалыч разглядел плотного, среднего роста мужчину.

– Старший лейтенант Быстров. Мы можем где-нибудь переговорить?

– Да, идемте вниз.

В доте Михалыч зажёг керосиновый фонарь, пригласил незнакомца присесть на топчан. Полевая форма старшего лейтенанта была испачкана в грязи, колени, рукава гимнастёрки были мокрыми. За спиной горбатился вещмешок.

– Сержант, я был на той стороне. В разведке. Еле ушел. Мне нужно срочно к командованию. Дай проводника.

– Товарищ старший лейтенант! А как там, на той стороне? Война будет?

– Будет сержант, страшная война будет. Дай человека, мне надо идти, – старший лейтенант встал, – пошли!

Наверху уже явно серело, стал виден туман, белой ватой закрывший низину. Бойцы стояли кучкой, тихо перешептываясь, никто не спал.

– Шевелев! – позвал Максима Михалыч, – проводи старшего лейтенанта на заставу!

– Слушаюсь! – приложил руку к виску Максим.

Старший лейтенант протянул руку, прощаясь:

– Бывай здоров!

– Будьте здоровы, – пожал руку старлею Михалыч.

Сержант смотрел вслед уходящим, не видя их – остро переосмысливал услышанное. Война! Что ж это такое – война? Как это убивать людей? Ну и что, что они немцы? Не люди, что ль! А меня как будут убивать? Вот так подойдет, пока я три патрона выстрелю, и убьет? За что? Что я ему плохого сделал? Мы же люди, а не волки какие-нибудь, не скотина.

Война для него была эфемерной, нереальной сущностью, в которую невозможно поверить.

Ему, вчерашнему учителю, молодому, счастливому отцу и мужу, который дома не мог зарубить и курицы – как ему быть на этой войне? Он чувствовал, что не сможет стрелять в людей – ведь это противоестественно! Противоестественно тому, чему учил его дед, священник, чему он сам учил детей.

Тихо переговариваясь, подошли бойцы. Михалыч повернулся:

– Никому не спать!

– А что делать, товарищ сержант? – Прохор Баяев был одним из лучших солдат и Михаил просил ротного присвоить ему ефрейтора. Завтра, в понедельник, должны зачитать приказ.

– Охранять вверенный нам объект! – непривычно строго приказал сержант, – Ходить парами по периметру территории стройки! По кругу! Интервал – 50 метров! Если что – докладывать немедленно!

Он постоял еще, прислушиваясь к тишине, вглядываясь в молоко тумана, представляя, как из него ползут темные фигуры. Врагов?

Не мог он представить врагами тех, кого в семье считали цивилизованной нацией. Ну и что, что была война с ними? Так это же цари натравили!

Потянуло закурить, но он побоялся на виду зажечь спичку – может кто-то уже держит его на прицеле? Он спустился в траншею, опустил на корточки, чиркнул спичкой, закурил. Глубоко затянулся дымом папиросы, выпустил его изо рта в низ окопа, да еще и разогнал рукой – как в юности, когда начинал баловаться самокрутками, чтобы не увидели родители.

Старший лейтенант Быстров, он же обер-лейтенант Курт фон Притвиц, шел чуть сзади безоружного солдата, подгоняя его идти быстрее и одновременно прикидывая, как и где избавиться от него. Он уже всё выяснил – как и где расположена застава, когда и куда уходят пограничники, где располагаются их засады. Нарваться на пограничный наряд ему никак нельзя – это не те караульные с простым, как сапог, сержантом, который ничего у него не потребовал, никаких документов, даже как звать не спросил!

С пограничниками это не пройдет!

Курт шёл, чертыхаясь в душе, снова и снова вспоминая перепетии проходящей ночи.

Четыре года впустую! Два года обучения в сверхсекретном центре подготовки 115-го прусского подразделения военно-морских сил, затем два года специальной академии, где из него, немца, пруссака, сделали русского офицера, научили не только говорить, но и думать по-русски. Шеф, адмирал Канарис, знал свое дело. Обучающиеся были не только полностью изолированы от всего мира, чтобы не было никаких протечек, они жили как бы в русском квартале русского города, их отпускали в увольнение к якобы русским родственникам, где те, несомненно русские, вели разговоры на любые темы, слушали русское радио, читали свежие русские газеты, в которых непрерывно восхвалялся Сталин и его политика. Курсантам было запрещено говорить кому бы то ни было свои настоящие имена и узнавать имена сокурсников. За малейшие нарушения следовало исключение из школы. Куда девались исключенные? Наверное, туда, откуда они не могли ничего рассказать о школе – в могилу. Их, выпускников, к концу обучения осталось чуть больше двух третей.

И вот эта страшная, нелепая неудача!

С наступлением темноты 21-го июня они, группа из шести человек, одетых в русскую форму, с русским оружием и документами, погрузились в планер, буксируемый высотным истребителем, и полетели на восток. Поднялись на высоту шесть тысяч метров, дышать пришлось через кислородные маски. Не долетев до границы пятьдесят километров, планер отцепился от самолета – дальше началось беззвучное планирование в сторону русских. Но не прошло и трех минут как пилот планера обернулся к нему:

– Господин офицер! Мы ослепли!

Курт вскочил и вс тал за спиной пилота – панель управления была темной! Ни одного прибора! Что делать? Возвращаться? Но войны не начинаются по пять раз в неделю! Курт выглянул в иллюминатор – ни одного ориентира внизу! Курт лихорадочно прикинул – до района Белостока, где находился штаб 10-й армии, и куда он, согласно документам, был якобы командирован, оставалось лететь сорок, с небольшим, минут.

– Сколько времени в полете?

Пилот посмотрел на светящийся циферблат наручных часов:

- Четыре минуты сорок секунд.
- Наша скорость?
- Полагаю, что сто двадцать километров в час!
- Сколько лета до границы?
- Двенадцать минут.
- Двенадцать минут летите прямо на восток. Направление на восток сможете удержать?
- С трудом, но смогу!
- Затем сорок минут на юго-восток!
- Попытаюсь, господин офицер!

Томительно потянулись минуты бесшумного полета. Когда стрелка светящегося зеленоватым фосфорным цветом циферблата подошла к цифре один час тридцать минут, Курт встал, выглянул вниз – сплошная темнота! Он включил карманный фонарик и направил луч на потолок, создав полумрак в кабине. Бойцы группы смотрели на него.

- Приготовиться! Сбор по трехкратному крику филина! Радист! Ко мне!
- Бойцы выстроились цепочкой, Курт рывком открыл дверь, приказал:
- Прыгать! Быстро!

На каждый прыжок планер реагировал, Курту показалось, что он развернулся.

Вытолкнув прыгавшего предпоследним радиста, Курт, буквально на его плечах, выпрыгнул следом.

С хлопком раскрылся парашют, его рвануло. Все его внимание было приковано к смутно белевшему внизу куполу парашюта радиста, и он приложил весь навык парашютиста, чтобы приземлиться как можно ближе к нему. До земли оставалось немного, и Курт с ужасом увидел, что внизу – лес. Он рванул стропы, чтобы увернуться от надвигавшейся верхушки дерева, мягко скользнул по ветвям и упал на четвереньки в мягкий мох. Скинув парашютные лямки, он стянул парашют на землю и, отдирая пласты мха, запихал его в образовавшееся углубление. Закидал белую мягкую грудку шёлком мхом и листьями. Всё это время он прислушивался, два раза подал сигнал – ответа не было. Но ведь радист, парашют которого он потерял из виду секунд за сорок до приземления, должен быть рядом! А где остальные?

Курт вынул компас, определил направление на место, где последний раз видел парашют радиста, и пошел на поиски, полагая, что это место находится в двухстах – двухстах пятидесяти метрах от него. Он считал шаги, одновременно оглядываясь по сторонам и верхушкам деревьев и следя за стрелкой компаса.

Внезапно вдалеке, на северо-западе, протрещала автоматная очередь. Курт по звуку определил – стрелял немецкий автомат, у его бойцов было русское оружие. Это его озадачило – они что, приземлились в полосе готовящихся к броску на восток войск вермахта? Вопрос – где? Севернее или южнее белостокского балкона?

Впереди смутно забелел повисший на дереве купол парашюта. Курт повторил сигнал сбора – ответа не было. Он подошел к дереву, с верхушки которого свисал парашют, вынул фонарик, поставил синий фильтр и посветил на верх дерева. Позвал тихо: «Юрин?» – это была фамилия радиста, ответа не было. Обошёл дерево и в мертвом синем свете увидел висящее на суку, на высоте 10–12 метров, тело радиста. Радист был мертв, живой человек не мог висеть так, переломившись в пояснице. Очевидно, при падении ноги застряли в развилке суков, а тяжелый рюкзак с рацией и запасными батареями потянул верхнюю часть туловища вниз, сломав позвоночник.

Дерево оказалось сосной, с голым, без сучьев, стволом, и Курт потратил минут пятнадцать, чтобы закинуть на ветку шелковый канатик с якорем и подняться к погибшему. Курт обрезал лямки рюкзака, зацепил его якорьком и спустил на землю. Спустился сам, осмотрел рацию – видимых повреждений не было.

Тело радиста оставил на дереве.

На западе, там, где должны были приземлиться члены его группы, снова слышались выстрелы, снова немецкий автомат.

Курт окончательно убедился, что они десантировались среди немецких частей. Безусловно, его бойцы не будут отстреливаться, они, если не будут убиты, сразу сдадутся. Конечно, все выяснится, но на разборки уйдет не один час. Группа для него пропала, нужно соединиться с теми, кто ждет его в русском тылу.

И Курт быстро, полубегом, двинулся на восток. Странно, но он не встретил и немецких войск. Располагая данными о сосредоточении немецкого ударного кулака севернее и южнее Белостокского выступа, он знал, что на острие выступа не нацелена ни одна немецкая часть. Значит, они не долетели до русских и сейчас от места встречи он был в километрах пятидесяти.

Впереди слышались негромкие голоса – это был немецкий парный патруль, пограничники. Подождав, пока они пройдут, он спустился с высокого берега небольшой речушки, разделся догола, сложил одежду в вещмешок, поднял его над головой и переплыл на другой берег. В кустах быстро оделся, но когда перепрыгивал через бочажину, поскользнулся, упал плашмя, намочив колени и рукава гимнастерки. Чертыхнувшись, он вернулся к реке и смыл грязь. С удовлетворением отметил, что всё это время он ругается русскими ругательствами. Посмотрел на часы – без десяти час. До начала вторжения оставалось два с лишним часа. Он явно не успевает на встречу, нужно где-то остановиться и связаться по радиации с основной группой, уже неделю работавшей в русском тылу.

Впереди слышались негромкие голоса. Курт присел и на фоне светлеющего неба увидел три фигуры. Это были русские. И не пограничники. Подкравшись поближе, он увидел, что они были безоружными. Встав во весь рост, он пошел к бойцам.

– Стой, кто идет? – с испугом крикнул, очевидно, старший.

– Свои! Спокойно – ответил Курт. – Свои!

Он подошел к бойцам, представился:

– Старший лейтенант Быстров. Где командир?

– Товарищ сержант отдыхает.

– Позовите!

Старший повернулся к бойцу:

– Максим, вызови Михалыча!

Боец, которого звали Максимом, спрыгнул в траншею и скрылся в открытой двери дота.

– Вы кто? – обернулся Курт к старшему.

– Строители мы, – охотно откликнулся старший.

– А что здесь делаете?

– Охраняем!

– Без оружия? – усмехнулся Курт.

– У товарища сержанта наган! – с гордостью за своего командира, такого солидного, с наганом! – ответил старший.

Вот такая встреча с этими недочеловеками. И они собираются противостоять нам, воинам фюрера?

– Сколько до заставы? – спросил Курт проводника.

– Немного, метров семьсот, товарищ командир!

Пора, решил Курт. Ускорив шаг, он догнал бойца и сзади, отработанным ударом, рубанул его ребром ладони в незащитную шею. Боец упал мешком, беззвучно, фраза оборвалась на середине слова. Курт оттащил тело за ближайший куст, не проверяя – жив? Мёртв? Все равно они все скоро будут мертвецами.

Он свернул с тропинки и, сверяясь с компасом, быстрым шагом пошел на восток, к основной группе. Ближайшая цель – пересечь границу и выйти на связь. Он взглянул на часы – без двадцати минут два. Через полтора часа начнется великий и, без сомнения, победоносный поход.

Михалыч, переживая услышанное от старшего лейтенанта, с досадой вспомнил, что не проверил у него документы. Впрочем, что из того, что не проверил – на заставе проверят!

Спать не хотелось, он вышел на воздух, поднялся из траншеи. Стояла тишина. Где-то на той стороне, прокричала лесная птица. Близко, бесшумно пролетела сова или филин – он определил по крупной голове. Зарев на востоке было явственным, невидимое солнце окрасило золотом нижние кромки висящих над горизонтом лёгких облаков. На западе было темно.

Михалыч пошел вдоль дота, вырытых траншей, навстречу бойцам своего отделения. Встретился с первой парой, переговорил – всё было спокойно. По виду бойцов, по шепоту, которым они докладывали, было видно, что они тоже взволнованы.

Течение времени замедлилось, секунды тянулись и тянулись. Михалыч выругался, сплюнул три раза через левое плечо, отгоняя тревожное наваждение, прибавил шаг и быстро пошел вперёд, к следующим парам бойцов. Взглянул на часы, приблизив их к глазам, – было без пяти минут три часа утра. Саша Брынцев и Гнат Шешеня вполголоса ругались. Михалыч оборвал: – Тихо! – и прошел дальше. Бойцы повернули вслед смутно белевшие лица, но ничего не сказали.

– Хорошие ребята! – про себя подумал сержант.

Невысокий, плотно сбитый, всегда аккуратный, Александр Афанасьевич Брынцев, был родом из смоленского села Дегонка, сыном кузнеца, одним из трёх братьев в многодетной семье, в которой, помимо них, было ещё две сестры. Профессия отца наложила отпечаток – он был влюблён в технику, мог часами что-то мастерить. Успев до призыва поработать в колхозе трактористом, он полюбил эту машину, на службе не мог отвести глаз от танков. Саше или Шурке (его называли и так и этак) нравилась военная служба, он с удовольствием исполнял приказание и Михалыч был уверен, что Саша станет командиром, причем танковым командиром. Старший брат Саши служил на Черноморском флоте на линкоре «Парижская коммуна», был главным старшиной.

Сам сержант о военной службе не мечтал. Сержантом сделали только потому, что он имел образование, да и был старше всех. Все мысли его были направлены только на одно – отслужить действительную и вернуться в родную школу, в родное село, поняньчить лобастого мальчишку, обнять молодую жену.

Гнат Шешеня был из местных. Сын священника, достаточно образованный, воспитанный в католической буржуазной Польше, он никак не мог согласиться с отменой частной собственности, не принимал обобществления, образования колхозов. На этой почве у него и происходили стычки с сослуживцами. И если остальные ребята в споры особенно и не вступали, то Саша Брынцев спорил до хрипоты, доказывая преимущества коллективного труда. До призыва он работал секретарём сельсовета, был одним из первых комсомольцев. Идеи коммунизма, изложенные в упрощённой форме агитаторами, он всецело разделял, даже несмотря на фактическое раскулачивание отца.

Непонятно, как Шешеню не зачистили органы за его позицию, и старшина был рад, что в его отделении не нашлось стукача.

Однако! Последней пары бойцов не было видно, хотя сержант прошел почти до конца маршрута. Он собирался уже окликнуть, когда заметил их спрятавшимися за кустами, внимательно наблюдавшими за чем-то, что происходило за пределами патрулируемой зоны. Он пригнулся, тихо, крадучись, подошел к ребятам. Они его не слышали, всё так же сосредоточенно высматривали что-то впереди.

– Что там такое? – шепотом спросил сержант.

Ребята вздрогнули, разом повернули к нему лица.

– Товарищ сержант, смотрите! – Яша Бунякин, старший наряда, показал на что-то впереди. Михалыч опустил на корточки и вгляделся в полусумрак.

Туман оседал на землю, пеленой закрывая траву, мелкий кустарник, доходя до уровня груди человека. Сначала он ничего не увидел. Шепотом спросил:

– Где?

Яша рукой показал вперёд, на прогалину между деревьями, метрах в двухстах впереди. Сержант вгляделся – ничего! Вдруг из молока тумана возникла голова, горб вещмешка, ствол винтовки за спиной. Кто-то перебежал прогалину, направляясь на нашу сторону. Вот ещё одна фигура, вот ещё. Высокий человек, в кепке, приостановился на три – четыре секунды, огляделся. Михалычу показалось, что он заметил их, затаившихся. Машинально пригнул голову, снова выглянул – на прогалине никого не было.

Минуту, две, три, не мигая, вглядывался, но никого больше не было.

– Докладывай! – шепотом приказал Яше.

– Товарищ сержант, сначала было тихо, потом вроде ветка сухая стрельнула, а потом Ваня Денисов говорит – Смотри, люди какие-то! – мы и залегли. Их человек двадцать прошло, мы их сначала считали, а потом сбились, они по двое, по трое перебежали.

– Раззявы вы! Надо было одному остаться наблюдать, а одному ко мне бежать, доложить!

– Так страшно же одному! Было бы ружьё какое..., – начал оправдываться Яша.

– Ладно, сидите тихо! – Михалыч посмотрел на часы – начало четвертого по местному времени, собираясь уходить.

Вдруг там, на тёмной стороне, послышался знакомый завывающий гул немецкого бомбардировщика. Через секунды к нему присоединились новые гулы, потом все слилось в непрерывное завывание. Самолёты летели севернее, километрах в пяти, летели на нашу сторону. И вдруг вздрогнула земля, перекрывая все звуки, раздалась канонада. Десятки орудий северо-восточнее, в десятке километров, одновременно выстрелили, потом громынули взрывы.

Сердце сжалось, окаменело.

Всё! Это война! Он взглянул на часы – три двадцать по берлинскому времени.

Генерал Гудериан, командующий второй танковой группой вермахта, стоял на наблюдательной вышке, расположенной южнее местечка Бохукалы, в 15-ти километрах северо-западнее Бреста, на которую он прибыл в 3 часа 10 минут. В 3-15 началась немецкая арт-подготовка, через 25 минут над головой пролетели пикировщики, нанося удары по заранее разведанным целям вблизи границы.

Через час после налёта началась переправа передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий, ещё через полчаса первые танки 18-й танковой дивизии, переправившись, двинулись на восток.

Всё шло по плану, без срывов и неожиданностей.

В 3 часа 07 минут в Генштаб Красной Армии по высокочастотной связи – ВЧ – позвонил командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский, сообщивший, что посты наблюдения, оповещения и связи флота докладывают о приближении к Севастополю со стороны моря большого количества самолётов и попросил разрешения встретить их огнём. Разрешение, после переговоров с Тимошенко, было получено.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного особого округа генерал Климовских доложил о налёте немецких бомбардировщиков на города Белоруссии.

В 3 часа 40 минут о налёте на города Прибалтики доложил командующий Прибалтийским округом генерал-полковник Кузнецов.

Тимошенко приказал Жукову звонить Сталину. Начальник охраны вождя Власик возмутился:

– Как, сейчас? Товарищ Сталин спит!

После объяснения, что немецкие самолёты бомбят наши города, к трубке подошёл Сталин. Выслушав доклад, после недолгого молчания, приказал прибыть к нему вместе с Тимошенко. Жуков услышал, как Сталин, не отнимая от уха трубки, приказал Власику вызвать всех членов Политбюро.

В 3 часа 15 минут рядовой второго взвода 13-й роты 67-го полка 3-ей пехотной дивизии Эккенхард Маурер после того, как грохнули первые залпы, вслух сказал:

– Это конец Германии!

Командир взвода Вагенау, которому доложили о неосторожном высказывании солдата, вечером написал рапорт представителю СД в полку, хотя было жалко – Маурер показал себя хорошим солдатом.

Главстаршину Николая Брынцева, как и остальных из экипажа линкора «Парижская коммуна», поднял с койки ревун боевой тревоги в два часа пятьдесят минут 22 июня. Через три минуты, прихватив противогаз, он занял место наводчика зенитной батареи линейного корабля, стоявшего в акватории Северной бухты Севастополя. Комендоры, подчиняясь командам командира батареи лейтенанта Лыкова, сноровисто готовили к стрельбе 37-ми миллиметровые пушки. Через шесть минут с момента объявления боевой тревоги Лыков доложил командиру БЧ-2 капитан-лейтенанту Стрелецкому о готовности к отражению нападения воздушных целей и получил вводную – с курсового угла 120 градусов со стороны моря к базе приближается группа самолётов.

В эти минуты Николай, повинуясь командам Лыкова, одновременно разворачивал башню и думал – что это? Очередная учебная тревога?

Томительное ожидание. В панораму видно черное небо. Вдруг на Северной стороне небо прочертил луч прожектора, за ним вспыхнули ещё несколько. Щупальцы прожекторов крестили небо, в какой-то момент в одном из них сверкнул серебряный крестик самолёта.

– Огонь! – крик командира.

Сдвоенная артиллерийская установка загрохотала, к небу потянулись трассеры очередей – туда, где только что мелькнул самолёт. Чёрное небо распухло золотыми звездочками взрывов.

Стреляли все корабли на рейдах Северной и Корабельной бухт, стреляли зенитки Северной стороны и Малахова кургана. На Северной стороне вспыхнули взрывы вражеских бомб, слабо занялся пожар. После первых выстрелов город стал погружаться во тьму, погасли фонари освещения, окна квартир – население делало то, что отрабатывалось на учениях по гражданской обороне.

Вдруг со стороны Инкермана к месту стоянки линкора по кривой полетела ракета, за ней ещё одна. Через несколько секунд у борта линкора взорвались одна за другой две бомбы, по башне застучали осколки.

– Вот гады! – понял Николай, – кто-то указывает самолётам цель! – не переставая посылать трассеры в сторону мелькавших в лучах прожекторов вражеских бомбардировщиков. Вот три луча захватили и уже не выпускали из своих объятий машину, к ней сейчас же потянулись трассеры других орудий и пулемётов. Крест самолёта вспыхнул огнём, кувыркаясь, он полетел вниз, в море.

– Ура-а-а! – не выдержал Николай, – капут немцу!

Командир подводной лодки «Л-3» капитан 3-го ранга Грищенко в 3 часа 30 минут 22-го июня был разбужен взрывами бомб. Выйдя из помещения, он увидел пять самолётов над Либавой. Экипаж лодки был готов открыть огонь по самолётам, но шифровка командующего

флотом приказывала прекратить разговоры о войне и заняться боевой подготовкой. Приказ о начале войны с Германией был получен в 7.00.

Штурман подводной лодки «С-9» старший лейтенант Правдюк проснулся 22 июня от звуков артиллерийской стрельбы. Посмотрел на часы – было около четырёх часов утра. Он подождал вызова на лодку, стоявшую у стенки Военной гавани Либавы, но его не было.

Через какое-то время стрельба окончилась. Он снова лёг в постель, успокоив жену, что идут учения. В 7.00 радио по флоту объявило о войне с Германией.

– Да, Это война! – окончательно решил сержант. – За мной!

Что делать? Идти к батальону? Ждать смену?

Да, ждать смену, иначе получится, что мы покинули пост.

Что делать? Спокойно! Прежде всего нужно укрыться, но не в доте, там нас перебьют как котят.

Между тем стало совсем светло, облака на востоке засияли золотом рассвета, отбросив красноватые блики на всю округу.

Брынцев и Шешеня держались возле кустов.

– За мной! – без объяснения причин бросил на ходу Михалыч.

Бойцы молча повиновались, хотя Шешеня пытался что-то сказать или спросить.

По дороге забрали с собой Олега Васина и Бойко Васю, у дота их поджидали остальные. Баев не выдержал:

– Товарищ сержант, что это происходит? Там стреляют?

Не отвечая на вопрос, Михалыч скомандовал:

– За мной! – и повёл на опушку леса, в густой ельнике, в котором намеренно видел небольшую полянку, когда искал первые грибы.

Продравшись через мокрые от росы кусты крушины с зелёными ягодками, они оказались на небольшой полянке. Остановился на ней, подождал остальных. Только сейчас обнаружил, что держит в руках наган.

– Сели!

Бойцы послушно опустили на росную траву.

– Я не знаю, что происходит, может провокация какая, а может и война! Будем сидеть здесь и ждать смену!

Взглянул на часы – без десяти четыре.

Позади, на месте расположения батальона, тихо. Это несколько успокоило его – может всё обойдётся? Может, учения какие?

Сопоставил шум бомбежек, орудийные выстрелы, переход границы вооружёнными людьми – нет! Это война.

Выставил посты с четырех сторон, приказал, в случае обнаружения чего-либо куковать два раза.

Прилёг под кустом – там было суше. В лесу ухнул филин, где-то вдали прокуковала кукушка. На севере буханье взрывов прекратилось, а на юге, в районе Замбрува и южнее, продолжалось.

В небе завывали моторы – это возвращались с бомбёжки самолёты. Михалыч долго провозжал их глазами, потом начал считать, сбился. Самолёты летели тройками, но некоторые тройки были неполными. Сбили наши?

Позади, у наших, было по-прежнему тихо. И Максим должен бы уже вернуться.

Послать на заставу кого-нибудь? Да!

Продрался сквозь густой кустарник к месту, где дежурили Гнат и Саша Брынцев. Шешеня спал, свернувшись калачиком. Саша, наблюдавший за ложиной впереди, испуганно обернулся, услышав шорох.

– Тихо! – Михалыч показал глазами на спящего. – Ты разрешил?

– Да, я, товарищ сержант! Чего вдвоём паяться.

– Слушай, Брынцев! Сбегай на заставу. Только тихо, по дороге не ходи! Беги рядом, краешком леса, острожноенько. Ты леса не боишься?

– Да я рядом с лесом вырос, товарищ сержант.

– Вот и хорошо, леса, значит, не боишься. Давай, Саша, найди командира какого-нибудь, узнай – что и как, и сразу сюда. Если какое приказание будет, то только чтобы на бумажке было, в письменной форме. Да и найди Максима. И сюда, бегом!

– Слушаюсь, товарищ сержант! – козырнув, Брынцев не мешкая, повернулся и через кусты, пригнувшись, побежал к заставе.

Михалыч понаблюдал за ним, пока он не скрылся в кустах, одновременно не выпуская из виду лощину перед дотом.

Было тихо. В лесу просыпались птицы, раздавались первые трели. Сердито жужжа, пролетел шмель. Снова с польской стороны полетели тройки самолётов. Тяжело нагруженные, летели низко, моторы выли. Четко виднелись черные кресты на кончиках крыльев. И снова бухали взрывы, словно кто-то старательно забивал сваи.

Сашка, пригибаясь, бежал к своим палаткам, к заставе. Ботинки и обмотки были мокрыми от росы. Ботинки были великоваты, сейчас в них хлюпала вода. Сашка, привыкший к аккуратности, уговорил старшину роты поменять их, осталось только дожидаться завтрашнего дня.

О войне он не думал. А чего думать? На это командиры есть, что надо – прикажут! Да и не похоже всё это на войну. Если бы была война, то тысячи наших самолётов уже летели бы бомбить Берлин, да и танки были бы уже далеко за границей!

В неудачную часть его направили. Что такое сапёры? Обыкновенные плотники да землекопы. Вот танкисты – это да!

Сашка аж зажмурился, представив, как, держа рычаги на «полный вперёд», он проскочил бы сейчас мимо Михалыча, громя огнём и гусеницами врагов!

Впереди, на серебристой от росы траве, он вдруг заметил тёмную полосу – здесь что-то протасили. Слева была дорога, она виднелась в прогалины кустов. Сашка несколько раз оглянулся, соображая – куда идти – к дороге или от дороги. Решил, что правильнее идти от дороги. Постоянно оглядываясь, прислушиваясь, он не успел сделать и десяти шагов, как увидел впереди, за кустом, торчащие из травы подошвы ботинок. Сердце у Сашки застучало: он узнал эти ботинки – три дня назад Максим Шевелев попросил его сделать и набить на них набойки, сейчас они тускло блестели, спутать их с другими было невозможно.

Сашка подавил в себе порыв броситься вперёд, посмотреть – что с Максом? Он остановился, прислушался, огляделся – всё тихо. Крадучись, осторожно – не шуметь! – обошел куст. Опустился на колени, раздвинул ветки – в двух шагах от него лежал Максим. Лежал с открытыми глазами, словно наблюдая за чащей леса повернутой стриженной головой. Пилотка валялась рядом. Он шёпотом позвал:

– Максим!

Но глаза Максима не дрогнули, он был мёртв. Гимнастёрка была собрана на груди – его тащили за воротник и бросили здесь. Не веря в смерть друга, он раздвинул куст, шагнул к Максимке, опустился на колени, приложил ухо к груди – стука сердца не слышно. Поднял пилотку и закрыл ею лицо убитого.

Руки дрожали. Что делать? Надо выполнять приказ командира. Он осторожно, по своим следам, вернулся к тому месту, где увидел тёмный след, и побежал снова вперёд, к заставе, соблюдая ещё большую осторожность. Ему надоело бежать по мокрой траве и он свернул в лес, там должно быть сухо. В лесу, как он и знал, росы не было. Не теряя из виду дороги, петляя между деревьями, побежал быстрее. Вот и въезд на заставу. Первое, что его удивило – отсутствие флага над сколоченной из брёвен аркой въезда на заставу.

Было тихо. Он подбежал к сараю, переоборудованному под заставу, поднялся на крыльцо – не было и часового. Он огляделся – везде были следы поспешного бегства. Он открыл дверь – застава была пуста. На полу валялись какие-то бумаги, газеты. Испуганно отдёргнул ногу, едва не наступив на оброненный кем-то портрет Сталина. Выскочил во двор, пробежал триста метров – палаток батальона не было. Никого! Только кошка, оставшаяся от старых хозяев, сидела на полянке, с любопытством разглядывая Сашку. Возле неё крутились два котёнка. Палатки были свёрнуты поспешно, буквально сдёргнуты, кое-где остались в земле колышки, за которые крепились расчалки.

Сашка ещё раз оглядел территорию и побежал по пыльной дороге к доту.

Михалыч слышал топот ботинок первым. За время отсутствия Брынцева он снова и снова анализировал произошедшее за ночь и утро. Ерунда какая то!

Где наши танки, авиация? Что за гражданские, переходившие на нашу сторону?

Разбудив Шешеню, он поспешил навстречу Брынцеву. Саша, с красным потным лицом, подбежал и, задыхаясь, доложил:

– Товарищ сержант! Там никого нет! Никого! – и тихо:

– Товарищ сержант! Там Максим в кустах, мёртвый!

– Как никого! А пограничники?

– И их нету, даже флаг сняли.

– Подожди, подожди – а что с Максимом?

– Мёртвый он.

– Убит, что ли?

– Не знаю, только мёртвый он и глаза открытые, в лес смотрят.

– Так, Брынцев, давай-ка всех сюда!

Машинально посмотрел на часы – половина седьмого. Солнце уже встало, но не вышло из-за леса, на севере канонада стихла, только на юге, в районе Бреста, продолжало бухать.

Скорым шагом подошли все. На ходу Саша успел поделиться увиденным, ребята были серьёзны и растеряны.

– Товарищи бойцы! – сказал Михалыч, – по непонятным причинам про нас забыли. – В колонну по два становись, бегом к заставе марш! Брынцев впереди!

И потрусил вслед за Сашкой. Но, не пробежав и десяти шагов, крикнул:

– Стой! Бунякин, Денисов – ко мне!

– Сколько лопат в доте? – обратился он к Яше.

– Две, а может три.

– Бегите в дот, заберите лопаты и сюда! Мы вас будем ждать вот в тех кустах.

Бойцы побежали выполнять приказание.

Сержант торопился спрятаться, он чувствовал себя голым, понимал, что нельзя торчать на виду безоружной кучей.

Они достигли кустов, скрылись за ними. Сели на траву, уже никто не обращал внимания – сухо, мокро. Тягостное молчание первым нарушил Баев:

– Товарищ сержант, а правда, что Максимку убили?

– Не знаю, сейчас посмотрим.

И опять повисло тягостное молчание.

Посланцы обернулись быстро: Денисов нёс две лопаты, за спиной Бунякина болтался вещмешок. Бунякин доложил:

– Товарищ сержант, я два топора нашел и прихватил хлеб с салом, наш, который баталер дал! И ватники старые прихватил!

– Молодец Яша! Ваня! Отдай одну лопату Олегу, что ль.... – приказал:

– Стройся!

Подошёл к Брынцеву:

– Тормозни, где ты увидел Шевелева.

Сашка согласно мотнул головой.

– Вперёд, ребята!

Ещё издали Михалыч увидел тёмный след на росной траве, ведущий от дороги.

– Ребята, укройтеесь-ка вот за теми кустами, – он показал рукой на противоположную опушку, – и посидите там, пока мы с Сашей не разберёмся, что к чему. Идите след в след! – крикнул он вдогонку, увидев, что бойцы хотели броситься врассыпную.

– Рассказывай, Саша, – как и что, – обнял за плечи Брынцева.

Саша посмотрел на него вопрошающе – Михалыч не был сентиментальным.

– Я увидел след вот с той опушки...

– Ты что – бежал по лесу? – прервал его Михалыч.

– Да, там росы нет. Увидел, что следы завернули за кусты, туда и пошел.

– Пойдём туда, ты за мной по следу иди!

Он прошел по дороге вперёд, к тому месту, откуда брал начало след. Не доходя трёх шагов до начала, рукой остановил Сашку:

– Стой!

Внимательно рассматривая отпечатки двух следов, Михалыч медленно продвигался к месту, где они обрывались. Он начал их изучать ещё на бегу. И вот точка, где они оборвались.

Выходило так: – Максим шел чуть впереди, старлей чуть, на пару шагов, сзади, стараясь затереть отпечатки ботинок Максима, но это у него не всегда получалось – шаги Шевелева были короче. Здесь старлей ускорился, поравнялся с Максимом. Здесь Максим упал ничком, словно споткнулся, виден след от упавшей пилотки, старлей обогнул его, перевернул на спину и потащил от дороги. Крови не было.

Михалыч пошёл к кустам параллельно следу. Оглянулся – Брынцев стоял на дороге.

– За мной, по моим следам!

Ага! Вот здесь к следу подошёл Саша и – молодец! – не стал затаптывать его, пошел параллельно. След уходил за кусты. Михалыч не стал оригинальничать, он полез в куст по Сашкиным следам. За кустами просматривалась полянка. Он раздвинул ветки – Максим лежал навзничь, лицо закрыто пилоткой. Огляделся – труп мог быть заминирован, этому его, как сапёра, учили в учебке. Нет, преступник торопился, его след уходил вперёд, заворачивая к дороге. Крикнув Саше, чтобы оставался на месте, он пошел параллельно следам убийцы. Старлей бегом пересек дорогу и углубился в лес. Идти за ним незачем. И никакой он не старлей, а самый настоящий диверсант. И он, сержант Красной Армии, самый настоящий лопух, упустивший его. И он, сержант, виновен в смерти своего бойца. И нет никаких оправданий.

Дослужился, ёксель-моксель!

Хотя у старлея, как там его – Быстрова, – наверняка были нормальные документы. И никаких возможностей у него, сержанта, задержать его не было.

Вернувшись к трупу, Михалыч первым делом послал Брынцева за ребятами. Снял пилотку с лица – Максим невидящими глазами смотрел в лес. Провёл рукой по лицу, закрыл их. Достал из нагрудного кармана красноармейскую книжку, членский билет ОСОВИА-ХИМ-а, письмо от матери. В шароварах нашёл простой перочинный ножик с одним лезвием, довольно грязный носовой платок. Найденное завернул в платок, положил себе в карман. Махнул рукой – ко мне! Подошли бойцы, молча смотрели как он перевернул труп на живот, задрал гимнастёрку – никаких видимых повреждений. Ни капли крови. Словно шёл человек, внезапно упал – и всё!

Значит крупная птица этот «Быстров»! Обученный. Враг!

– Похороните его, ребята. Вот там, – указал на полянку вблизи дороги, у кромки леса. «Вот и лопаты пригодились» – невесело подумал он.

Через двадцать минут могила была готова, ребята положили в неё Максима, закрыли лицо пилоткой. Через десять минут маленький холмик украсил крест с вырезанной на стёсе надписью:

«Красноармеец Шевелёв Максим Николаевич, погиб 22.06.1941 г.»

Минуто молча, со снятыми пилотками, постояли над могилой.

Первая жертва войны.

До заставы шли кромкой леса. Не доходя метров пятьдесят до прохода, сержант оставил отделение и послал Сашу в разведку. Все с напряжением ждали. Но вот Сашка высунулся из-за угла, махнул призывно рукой.

Перед входом в казарму проинструктировал:

– Искать любые продукты, одежду, одеяла – пусть старые, в общем, всё, что пригодится в хозяйстве! Быстро!

Прошел по коридору, разглядывая брошенные бумаги, испуганно обогнул валявшийся портрет Сталина. Нужна карта, хотя бы какая-нибудь, но нигде – ни в кабинете начальника заставы, ни в красном уголке, – ничего подобного не было.

Попытался вспомнить дорогу на Белосток. Километров через тридцать справа от дороги есть местечко Замбрув, там штаб 13-й стрелковой дивизии. Но оттуда доносилась канонада, там, возможно, бой, и ему соваться со своими безоружными бойцами туда никак нельзя!

Где наши? Почему их бросили?

Надо идти на Белосток, там штаб 10-й армии, войска.

Наиглавнейшее – чтобы не чувствовать себя зайцами, чтобы при случае постоять за себя, – нужно оружие!

Вышел на улицу, стараясь подавить угнетающую тоску.

Подошли ребята, принесли всё, что нашли: сухари по тумбочкам казармы, сухари в одном из шкафов кухни, баночку и пять спичечных коробков с солью. Нашли три старых ватника. Хозяйственный Липатов собрал до последней крошки рассыпанный по полу рис: «Ничего, промоем, и станет чистым». Ещё баночку горчицы. Усмехнувшись, сержант хотел её выкинуть, но Яша Бунякин запротестовал:

– Не надо, весу немного, может и пригодится!

На яме, куда выбрасывали отходы, нашли погнутый солдатский котелок, сильно закопченную алюминиевую кастрюлю – не захотели хозяева отмывать, там же нашли пять далеко не новых мешков. Михалыч обрадовался – будет из чего сделать вещмешки. Сняли бечёвку, на которой сушили стираное, – как раз годится для их изготовления. Посмотрел на часы – без пятнадцати восемь. Теплилась надежда – а вдруг за ними машину пришлют? Что ж бросили – без оружия, одежды, пищи. Может быть, подождать здесь?

О брошенном без охраны доте не думал, хотя саднило – без приказа покинул!

– Все здесь? – спросил Баева, вязавшего вещмешки по крестьянски.

– Да, товарищ сержант, – оглядев бойцов, ответил Баев.

– В шеренгу по одному – становись! – подождал, пока станут, объявил:

– Моим заместителем назначаю Баева Прохора Прохоровича. Помощником, адъютантом, что ли, Брынцева Александра Афанасьевича. Парень грамотный, любит порядок, будет, со временем, начальником штаба.

Саша зарделся, Баев коротко, как будто так и надо, ответил:

– Слушаюсь!

– Пойдём к Белостоку, лесом, идти колонной по одному, направляющий – Брынцев, я за ним, замыкающий Баев. Всем ясно? – подождал, пока нестройно ответят.

– Сейчас Баев распределит добычу. Будем идти след в след, в пределах видимости впереди идущего, если кто что заметит, передавать мне по цепочке!

Он подошёл к Брынцеву:

– Саша! Иди параллельно дороге, но так, чтобы она видна была, – он всё-таки надеялся, что за ними пришлют, кого-нибудь. – Все готовы? Тогда пошли!

Они едва втянулись в лес, когда по цепочке передали:

– Позади люди!

Михалыч развернулся, позвал Брынцева, махнув рукой – за мной! – поспешил в хвост колонны.

Баев, присев за кустом, смотрел назад, на только что покинутую заставу. Услышав шаги, поднял голову:

– На заставу какие-то гражданские зашли, с оружием, – он показал на крыльцо, где стояло пять мужчин в гражданской одежде. Оружие было самое разнообразное – винтовки, охотничьи ружья, у одного автомат.

«Это что? Партизаны?» – подумал сержант, затеплилась надежда.

Из открытой двери показался ещё один. С гоготом вынес портрет Сталина, спустился с крыльца и приколол его чем-то к бревенчатой стене. Сталин величественно смотрел мимо этой суеты. Тот, что с автоматом, спустился с крыльца, отошел метров на десять, прицелился и дал очередь по портрету. Пули зачеркнули величественное лицо, превратив его в ошметки бумаги.

«С этими всё ясно» – подумал сержант, но наблюдения не прекратил. Разговаривали они на местном наречии.

«Не немцы, но и не партизаны – решил сержант, – надо уходить! Счастье, что мы ещё живы» – он представил, как, с гоготом, они расстреливали бы их.

– Пошли! – поднялся Михалыч.

Через двадцать минут Саша поднял вверх руку – «внимание!». Михалыч, повернувшись к шедшему за ним Бунякину, приказал передать по цепочке – «всем лечь!», а сам поспешил к Брынцеву.

Саша, прячась за кустом, наблюдал за просматриваемым справа куском дороги.

– Мотоциклы сюда едут! – горячим шёпотом в ухо доложил ему Саша.

Михалыч прислушался – сквозь птичий гомон донёсся стрёкот мотоциклетного мотора. И не одного, звуки нарастали.

– Это за нами, – шептал на ухо Саша, – надо предупредить!

И сделал попытку подняться.

– Стой! Успеем! – остановил сержант бойца, доставая наган и напряжённо всматриваясь в прогалину.

– Немцы, Саша! Отведи бойцов в укрытие, в лес! Быстро! – не поворачиваясь, командовал сержант, считая проскакивающие машины.

«Пять мотоциклов с люльками, на трёх люльках установлены пулемёты, на четвёртом мотоцикле сидит офицер, на трёх мотоциклах по три человека, на двух – по два, всего тринадцать человек – отделение разведки? Едут на заставу».

Подкрался Саша:

– Всё в порядке!

Михалыч ждал – если всё тихо будет там, на заставе, значит те ихние. А если?

И дождался.

Грохнул винтовочный выстрел, за ним дробь автомата, хлопучками два взрыва ручных гранат, потом стрёкот пулемёта. Выстрелы винтовок, дробь автомата, сдвоенный хлопок ружья. Снова пулемёт, винтовки. Взрыв – вроде бензобак взорвался. Беспощадная трель пулемёта. Глухие крики. Сухие выстрелы винтовок, тишина. Ещё выстрел, из пистолета. Тишина.

Часы Михалыча показывают – десять минут десятого.

Боестолкновение заняло десять-двенадцать минут.

Снова стрёкот мотоциклов. Едут медленно, перегружены, на ухабах скрипят тормоза. Вот и первый – водитель, позади офицер, голова перевязана, пулемёт снят, торчит из люльки. В люлке двое – один, внутри, раненый, всё время клонится вперёд. Второй сидит на запаске, придерживая раненого за плечо. Спереди, поперёк люльки, труп немца. Ноги привязаны, правая рука в крови, мотается почти по дороге.

Второй мотоцикл – четыре человека: один, раненый, на заднем сиденье, держится за водителя, второй раненый – в люлке, его придерживает сидящий сзади на запаске.

Третий мотоцикл – три человека, люлька с пулемётом, сбоку люльки приторочено оружие, оружие привязано сзади, к запаске.

Итак, возвращаются двенадцать, включая трупы. Не хватает двух мотоциклов, одного немца, одного пулемёта.

На заставе – тишина.

Михалыч оглянулся – Сашка неотрывно глядел на дорогу, его била дрожь.

– Что делать будем, Сашок? – спросил сержант, уже решив про себя порядок последующих действий, – по-хорошему, тебя бы сейчас в разведку на заставу отправить, да нельзя одного, нехорошо там, не привычно для тебя.

Помолчав, добавил:

– Да и мне не по себе.

И к Сашке:

– Беги к ребятам, возьми двоих – Бунякина и Липатова, и ко мне. Я пошёл к заставе, той же дорогой, что и шли, опушкой. Догоняйте! Но тихо!

Через семь-восемь минут услышал сзади шаги. Оглянулся. Ребята догнали, но шли за ним, как он давеча приказывал, цепочкой. Он замедлил шаг, махнул рукой, подзывая всех к себе. Не останавливаясь, глядя вперёд, краем глаза увидел, что все трое идут чуть позади.

– Слушайте внимательно! На заставе был бой, наверняка есть убитые. Наша задача – оружие, пища, бельё, одежда, обувь, если хорошая. Придётся обыскивать убитых. Брать всё, что нужно для жизни, но никаких бирюлек, колец золотых! Мародёрство это. По законам войны за это полагается смерть! Лекарства какие, бинты – брать! Ножики – брать! Часы – брать! Сапоги, носки, портянки – брать! Рюкзаки, вещмешки – брать, не разглядывая! Понятно?

Оглянулся. Ребята были испуганы, увидев, что он оглянулся, закивали головами – да, да, согласны.

Не хватает одного немца, двух мотоциклов и пулемёта. Может засаду оставили? Не может быть, одного не оставят.

Что же ещё нужно? А нужно всё! Столовой не будет. Старшины с табаком не будет. Мыла для помывки в субботу – не будет. Спички нужны. Где наши?

Что-то очень нехорошее произошло, очень.

Между тем они были уже недалеко от заставы. Потянуло дымком.

В просвете показалось здание казармы. Оно весело пылало. Михалыч поднял руку – внимание! – подошёл к кромке леса, присел за кустом. Надо идти в разведку.

Сзади кто-то тронул за плечо. Оглянулся – Бунякин.

– Товарищ сержант, разрешите мне разведать. Вам нельзя. Я тихо.

– Подожди!

Здание было зажжено с двух сторон, середина была целой. С крыльца вниз головой на ступеньки свисал труп – это был тот, кто расстрелял портрет Сталина. Слева, на въезде, догнорал мотоцикл немцев, дальше, на боку, лежал второй, высоко задрав покорёженное колесо люльки.

Двое гражданских лежали за крыльцом, ещё один за левым углом здания. Прямо перед ними, в двадцати шагах от горевшего мотоцикла, лежал ещё один гражданский, именно он, наверняка, гранатами подорвал вынырнувшие слева мотоциклы. Ещё один пытался отскокить за угол здания, но был настигнут очередью. Куртка на спине изрешечена пулями. Итак, видимых, шесть трупов. Немцы по счёту все, засады нет.

Тихо, только трещит пламя, поднимаясь всё выше, съедая остатки здания.

– Иди, Яша, посмотри – что и как.

Бунякин, озираясь по сторонам, вышел на поляну перед зданием, прошёл за правый угол, затем скрылся за углом, через считанные секунды выскочил, прикрываясь от пламени рукой, с левой стороны здания, крикнул:

– Никого!

Сержант первым делом побежал к мотоциклам, крикнув на бегу:

– Обыскивайте трупы, как я говорил, собирайте всё!

Граната попала в люльку за спину немцу, ноги остались в передней части, туловище вывалилось наружу. Пулемёт взрывом развернуло вместе с заправленной пулемётной лентой, дуло было чёрным от копоти, приклад и корпус посечены осколками, поэтому, видимо, немцы посчитали его негодным и бросили.

– Нет, это надо проверить, – вслух сказал сержант, пытаюсь снять пулемёт с крепления. Ствол обжигал, тогда он оторвал окровавленный кусок от куртки немца, с его помощью выдернул пулемёт из крепления и положил его рядом на землю. Открыл крышку багажника с обгоревшей запаской – внутри какой-то инструмент, ранец, обшитый по клапану рыжей шкурой мехом наружу. Он выбросил ранец на землю рядом с пулемётом, чтобы подобрать. Подумал – неплохо было бы снять с немца сапоги, но взглянув на красно-синее месиво внутренностей немца, отказался от этого намерения.

У второго мотоцикла осколками пробит картер двигателя, багажник раскрыт, в нём пусто.

Посмотрел на ребят – они старательно обыскивали убитых, снимали рюкзаки, сапоги.

– Быстрее, быстрее, ребята! Немцы обязательно вернутся забрать труп!

Схватил ранец, пулемёт, отнёс к опушке, положил. Побежал к ребятам – помочь. Начал с возможного главаря, владельца автомата. Снял сапоги, из одного выпал хороший охотничий нож в кожаных ножнах, сунул его к себе за голенище. Похлопал по карманам брюк – ничего. В кармане френча – радость! – сложенная несколько раз карта с надписями на польском, коробок спичек, найденное засунул в карман гимнастёрки.

Оставался последний, не добежавший до угла здания. Был ранен, полз, оставляя кровавый след, и был добит выстрелом в затылок.

Всё!

Добыча: три рюкзака, два вещмешка, ранец, охотничье ружьё с патронташем, которое было брошено в коридоре здания – немцы его не заметили. Пулемёт, неизвестно – годный или нет.

Убитые – люди разных возрастов, один из них был совершенно седой.

Михалыч ещё раз оглядел поляну, махнул рукой ребятам – уходите в лес!

Уже повернулся уходить, но сквозь треск пожара услышал как бы стон.

– Саша, ко мне! Остальные в лес, к группе.

Подбежавший Брынцев смотрел на него, ожидая приказаний.

– Слушай! – и показал рукой направление. Снова тихий стон.

Осторожно, Саша впереди, пошли на звук.

За казармой рос куст сирени, уже отцветший, за ним огород с мощными кустами картошки. Звук шел оттуда.

Пригибаясь, они пошли по краю огорода, просматривая междурядья. Вот! Почти посередине поля лежал неподвижно, навзничь, человек, кровь залила грудь и пузырилась.

Бледное лицо парня лет двадцати было слегка запрокинуто в сторону, глаза закрыты, из уголка рта сочилась кровь. Рядом, в следующем междурядье лежала винтовка неизвестного образца. Первым делом Саша схватил её и стоял рядом.

Михалыч опустил на колени, тронул за щеку лежащего. Раненый открыл глаза, нашел ими сержанта:

– Советы? – с трудом, с польской шепелявостью, спросил он.

– Да, мы советские. Кто ты?

– Януш, Армия Крайова, – закрыл глаза.

– Что за армия такая? – в раздумье спросил сержант самого себя.

– Товарищ сержант, давайте его в лес, я за ребятами сбегаяю.

– Не надо, Сашок, не жилец он, кровью истёк.

Две пули, скорее всего пулемётные, прошли тело с правой стороны груди, а немцы его не увидели, так как лежал он в картофельных зарослях.

Раненый лежал тихо. Михалыч приложил палец к горлу – пульса не было.

– Сними ремень! – он увидел кожаные кошелёчки на нём, – там могут быть запасные патроны.

Саша передал Михалычу винтовку, расстегнул ремень и вытащил его из-под окровавленного тела. Ремень был в крови и Саша, боясь испачкаться, держал его на вытянутой руке.

– Привыкай, Сашок, крови много будет. А сейчас в лес! Немцы, увидев, что кто-то был здесь, искать начнут. Бегом, в лес!

Он отдал винтовку Брынцеву и первым бросился бегом в лес. Нагнали нагруженных Яшу и Ивана, забрали часть груза.

Бойцы кучкой стояли на полянке.

– Быстро переложите всё из мешков в рюкзаки, ранец и вещмешки. Мешки бросьте здесь, пусть думают, что гражданские были.

Он подождал, пока ребята закончат перегрузку.

– А теперь за нами с Сашей, бегом марш!

И они побежали колонной по одному, впереди Брынец с винтовкой, за ним сержант с наганом, колонну замыкал Баев, которому доверили пулемёт, хотя Михалыч не был уверен в его работоспособности.

Через сорок минут Михалыч объявил привал на пять минут, затем снова бег.

Наконец сержант, увидев подходящую полянку, скомандовал остановиться. По его расчётам выходило, что они оторвались километров на восемь от заставы. Наверное, достаточно.

Бойцы попадали на ковёр из мха и прошлогодних листьев, жадно дышали. Гимнастёрки потемнели от пота, очень сильно хотелось пить. И сержант устал, сердце с неприязни выскакивало из груди.

Но надо делать дело.

– Баев! Выкладывайте всё из найденного, будем смотреть и сортировать.

Бойцы расстелили ватники, расселись в кружок. В этот момент в районе заставы глухо зататакал пулемёт. Бойцы переглянулись – сержант оказался прав.

– Успокойтесь, вряд ли они втянутся в лес. Да и урона мы им серьёзного не нанесли. Шешеня! Подойди ко мне!

Сержант отошёл в сторонку, присел и попросил его присесть рядом. Развернул карту.

– Видишь, какую ценность я нашёл! Сможешь определиться?

Гнат долго смотрел, пытаясь осмыслить польские названия местечек, хуторов. Новой границы на карте не было и это сильно затрудняло поиск собственного месторасположения. Наконец он оторвался от карты, поднял голову.

– Товарищ сержант, вот этот сарай, наверное, и есть наша застава...

– Была..., – перебил сержант.

– Ну, всё равно, это, наверное, она. Мы бежали на восток, да? Если правильно держали направление, то мы сейчас где-то здесь. А впереди, километрах в трёх, вот видите синяя линия? Речка. И если мы найдём её, то определились, значит, точно.

– А если не найдём? – мрачно спросил Липатов.

– Ничего, найдём! Мимо мы никак не проскочим. Видишь, она с севера на юг течёт.

– Так, хватит гадать! – прервал спор сержант. – Ну и какая у нас прибыль, Прохор Прохорович? – он повернулся к разложенному на ватниках.

– Живём, товарищ сержант! Теперь точно проживём!

В рюкзаках и вещмешках воинов неизвестной Армии Крайовой оказалось то, что люди приготовили для трёх-четырёх дневного похода.

Сержант оглядел повеселевших ребят, неотрывно глядевших на разложенное богатство.

Четыре буханки чёрного хлеба, две – белого, восемь банок консервов, четыре круга домашней колбасы, несколько шматов сала. Соль, спички, шесть фляжек с водой, из них одна, пробитая пулей, была полупустой. Стопкой лежали полотенца, бельё, четыре бритвенных прибора, три перочинных ножика и ещё какая-то мелочь.

Заметил сержант и как глотали голодную слюну его бойцы, считай, со вчерашнего ужина в своём лагере, не державшие ни крошки во рту.

– Будем обедать, Баев! Распорядись, по своему усмотрению.

– А можно ваш ножик?

– Какой? – притворно удивился сержант.

– А вот тот, который из голенища торчит.

– Ничего от вас не скроешь, берите, пользуйтесь, но с отдачей!

– Обязательно, товарищ сержант, мы же не такие, как у вашей мамы дети!

– Какие дети? – не понял юмора сержант, когда дошло – рассмеялся. Смех подхватили и бойцы.

– А почему ранец не открыли?

– Так это ж ваша личная добыча, товарищ сержант. Мы не посмели.

– Неправильно говорите, теперь у нас всё будет общим. Выкладывай, Прохор!

У немца в ранце оказался завёрнутый в непромокаемую бумагу пакет – галеты, сухая колбаса, баночка с маслом, банка шпрот, пакетик с солью, пакетик с сахаром и, надо же! – пакетик с перцем. НЗ – неприкосновенный запас, решил сержант. В продолговатой коробке – опасная бритва, на лезвии надпись – zolingen. Там же, в специальной коробочке, зубная щётка, мыло, порошок белый – зубной, что ли? Полотенце, пара белья. Черная литровая бутылка с запечатанным горлышком. Вино? Коньяк? Открыть нечем. Ладно, потом откроем.

Баев скряжничал. На обед он выделил булку ржаного хлеба, две фляжки воды, круг колбасы, сало, пожелтевшее от долгого хранения. По всему выходило – маловато для обеда! Первым не выдержал Брынцев:

– И это всё?

– Да, Сашок. Это будет завтрак, обед и, по совместительству, может и ужин. Я правильно говорю, товарищ сержант?

Михалыч хотел вмешаться, поддержать Брынцева, но передумал – негоже авторитет заместителя умалять, да и прав Прохор, где и когда мы найдём пищу. Он, возле заставы, выдернул куст картошки, завязи – горох!

– Баев прав, экономить надо!

Баев степенно начал делить продукты под голодные взгляды товарищей.

Увидев, что ему заместитель подкладывает больше, чем остальным, не выдержал:

– Вот уж не думал, Прохор Прохорович, что ты лизоблюдничать будешь!

Баев покраснел, но остальные загудели – правильно Прохор делает, у вас паёк командирский должен быть! Михалыч махнул рукой, кончая базар.

Поели, пустили по кругу фляжки с водой, делая по одному глотку, пока они не опустели.

Баев попросил разрешения курить, но Михалыч запретил:

– Дым в лесу долго держаться будет. Ночью покурим, – подумав про себя – а доживём ли до ночи? Вот те, Армия Крайова, разве думали погибнуть? И что за отряд – ни постов не выставили, ни.... Да нет, наверное тот, что бросил гранаты и был на посту, да что-то прозевал. И второй, который в картошке остался, тоже постовым был наверняка.

– Давайте-ка сюда оружие, инвентаризацию проведём.

Ружьё – двустволка, к нему патронташ с восемью патронами. Михалыч проверил – все готовы к стрельбе. Ножом выковырнул пыж – внутри свинцовый круглячок – жакан, с такими на кабана ходят. Значит все такие, никаких особых отметок на пыжах нет.

– Кто с ружьями дело имел?

Руку подняли Шешеня, и Брынцев. Сержант удивлённо посмотрел на остальных:

– Вы что, никогда ружья в руках не держали?

За всех ответил Баев:

– А где бы мы их держали. Органы запрещали ружья держать, за это можно и в тюрьму угодить.

– Хорошо! Гнат! Ружьё тебе достаётся, вручаю! Давайте винтовку сюда!

Так, не русская и не немецкая. Но с винтовкой-то все знакомы? Хорошо, что все, – удовлетворённо отметил сержант, – а кто больше трёх раз стрелял из винтовки? Один Брынцев! Повезло мне с вами, ребята. Винтовку вручаю тебе, Брынцев!

Сашка чуть ли не подпрыгнул от радости, получая их рук сержанта оружие. Передёрнул затвор, выбросив патрон из ствола, со знанием дела посмотрел внутрь, покачал головой.

– Что такое, Саша?

– Чистить надо, товарищ сержант.

– Вот и занимайся, да и остальных научи с ней обращаться. А теперь давайте немца.

Сержант осмотрел пулемёт со всех сторон, начиная с ложа-рогульки, поискал крючок, поднимающий крышку, под которую закладывается пулемётная лента, нашёл. Снял ленту, в стволе торчал патрон. Нашёл рычаг затвора, отвёл его – патрон выщелкнулся из ствола. Хорошо, случайного выстрела не будет. Опустил крышку, нажал на курок – боёк щёлкнул. Сержант повеселел – машина работает. Теперь бы убедиться, что ствол не деформировался от огня. Наружная часть механизма была побита осколками, кожух ствола в одном месте был пробит, металл вогнулся к стволу. Отогнуть нечем. Чёрт! Надо было взять инструменты у немца в багажнике. Придётся ножом, да ножа жалко. Но главное, конечно, ствол. А чтобы проверить, надо прочистить его. Как? Ружейного масла нет. Вспомнил, что раньше пушки смазывали салом. Сало надо натопить, чтобы жидкое стало, а чтобы натопить, надо костёр развести. А вдруг впереди, совсем недалеко, немцы? Дым от костра стелется по лесу, его легко почувствовать. Не пойдёт.

И надо дать людям отдохнуть. Посмотрел на бойцов, выбирая менее уставших.

– Брынцев – вперёд на пятьдесят метров, с винтовкой, Шешеня – назад на пятьдесят метров, с ружьём! Залечь! Возьми мои часы, Гнат, ровно через два часа подойдёшь и разбудишь смену для себя и Брынцева. Остальным – отдыхать! Да, чуть не забыл, про сигналы: – ку-ку – внимание; два раза ку-ку – всем залечь, три раза ку-ку – всем ко мне!

Сержант выбрал мягкую моховую кочку вместо подушки, постелил ватник и лёг навзничь. Закрыв глаза. Тёмная тревога змеей вползала в душу. Главный вопрос – что делать? Что делать?

Десять часов войны, а мы, красноармейцы, непонятно что. Шайка нищих, обирающих трупы. Хорошо, что ребята мне верят. А кто я? Я и уставов толком не знаю – как наступать, как обороняться? Где доставать оружие, продовольствие? Картошка ещё не выросла. Грибы только-только появятся, ягоды есть. Но без хлеба, без горячей пищи, питаться грибами и ягодами – поносом изойдём!

Пролетавшие над головами на восток и обратно немецкие самолёты уже не оказывали испуга. И как ни вглядывался – ни одного нашего! Где они?

Под эти мысли забылся то ли сном, то ли дремотой.

Старший лейтенант Куцых был разбужен осторожным стуком в окно. Взглянул на висящие на стене часы с кукушкой – без двадцати пять. Удивился, его вообще не должны были трогать сегодня, он отпросился у майора Скрипачёва до утра понедельника по случаю приезда молодой жены. Он осторожно снял с груди её руку, вылез из-под одеяла и босой подошёл к окну, открыл створку. Кутивший в двух шагах красноармеец его роты – он не помнил его фамилию – бросил самокрутку, приложил руку к пилотке:

– Това...

Куцых не дал договорить, замахал руками – тише, тише!

Боец подошёл ближе, наклонился и полушёпотом:

– Товарищ командир, вам в часть надо!

– Что случилось? – услышал над головой гул пролетавших самолётов, – учения, что ли начались?

– Никак нет, не знаю, вам в часть надо, старшина приказал вас в часть привезти, – боец мотнул головой в сторону стоявшего за калиткой мотоцикла.

– Хорошо, я сейчас.

Он подошел к деревенской кровати с высокими, в завитушках, металлических спинками. Сладкая жёнушка спала после бессонной ночи, утонув в перине, одеяло сползло с розового полного плеча. Он хотел разбудить её, но пожалел. Вынул из планшетки блокнот, карандашом написал записку, положил её на комод под флакончик духов, затем сгрёб в охапку одежду, вышел с ней в сени, быстро оделся.

Вышел во двор, боец сидел боком на сиденье, снова курил:

– Ты что так много куришь?

– Закуришь тут, товарищ старший лейтенант. Кажись, война началась.

– Какая война? – и тут услышал глухие удары, словно кто-то бил молотом по земле. Хотел вернуться в хату – зачем? – сел на заднее сиденье, приказав:

– Быстрее давай!

К моменту их приезда палатки были свёрнуты и погружены в две полуторки, возле них кучками стояли бойцы. Старшина Крикун, отмечавший что-то в бумагах, услышал стрёкот мотоцикла, повернул голову на звук и побежал к ним навстречу, на ходу засовывая бумаги в кожаную офицерскую сумку.

– Товарищ старший лейтенант, нам приказано следовать в Белосток, в батальон!

– Кто приказал?

– Начальник штаба, Пышной!

– Ты сам слышал приказание?

– Да, сам!

– А сейчас связь есть?

– А сейчас связи нет, погранцы уже свернулись и уехали.

- Как уехали? – Куцых всё больше недоумевал.
- На машинах. Получили приказание и уехали.
- Подожди, у нас же люди в охране, их же забрать надо!
- Некуда их садить, товарищ старший лейтенант, не знаю, как этих рассадить, – кивнул он на стоящих у машин бойцов. – Выгрузимся и пришлём за ними машину.
- Хорошо, грузитесь и езжайте. Мотоцикл заправлен? – повернулся к водителю.
- Да, товарищ командир!
- Оставьте мне его.

Куцых смотрел, как с трудом усаживались бойцы, как тронулись и скрылись за углом. Гул пролетающих над головой самолётов заставил поднять голову – самолёты, завывая, шли низко, на крыльях чернели кресты, – немцы!

Он завёл мотоцикл, подъехал к зданию заставы – пусто! Никого!

Он развернулся и поехал вслед за машинами, через полчаса увидел клубы пыли, хотел обогнать их, но показалась просёлочная дорога, ведущая к местечку, а, вернее, к хутору, где он оставил жену. Он свернул, проехал с десятков километров по ней, и, задумавшись, не заметил глубокой ямы с водой. Мотоцикл заглох. Он слез с машины и сразу набрал полные сапоги жидкой грязи. Попробовал толкать, но безуспешно: – немецкий «цундап» был тяжёл. Решил не ждать, что кто-нибудь проедет и поможет вытащить мотоцикл, а пойти к хутору и там решить на месте, как и что.

Впереди услышал голоса – кто-то шёл навстречу. Поджидая, он присел на пенёк у дороги, закурил. Из-за поворота показались трое: – старший сержант и двое бойцов, в форме войск НКВД. Он встал, соображая, как лучше использовать их, чтобы они не сильно пачкались. Старший сержант, не снимая рук с висящего на груди автомата, представился:

- Старший сержант Точилин! Что случилось – застряли, товарищ командир?
- Да, застрял. Помогите мне, товарищи, – Куцых мимолётно заметил странный акцент в речи, – но не хотелось бы пачкать вас. Верёвки у вас нет?
- Найдём!

Один из бойцов, не ожидая приказаний, снял вещмешок и достал из него моток верёвки.

Куцых взял конец, закрепил его за переднюю вилку:

– Тащите!

Вчетвером они без труда вытащили тяжёлую машину.

– Спасибо, товарищи! – и стал ковыряться, пытаясь завести двигатель.

Бойцы не уходили, наблюдая за его действиями. Куцых мельком поглядывал на них, стало тревожно – они что, ждут, что он их подвезёт, куда им надо? Но напрямую спросить не хотел – неудобно, люди ж помогли!

После нескольких попыток мотоцикл затарахтел, Куцых повернулся – на него смотрел зрачок пистолета.

Бойцы оттащили труп в кусты, сели в тархтевшую машину и скрылись за поворотом дороги.

Утренние сводки, доставленные Францу Гальдеру, подтвердили, что все армии, кроме 11-й, перешли в наст упление согласно плану. Нападение для русских явилось полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через реки захвачены в полной сохранности. Командование ВВС сообщило, что на 13–30 уничтожено 800 самолётов русских, потери немцев составляют 10 самолётов. Подходы с моря к Ленинграду заминированы без потерь.

Статс-секретарь Вайцзеккер сообщил, что Германия не заинтересована во вступлении в войну Японии и Америки, так как в этом случае война станет невообразима по продолжительности.

После встречи Тимошенко и Жукова со Сталиным, всё ещё сомневающимся в правдоподобности начала войны, В 7-15 утра в округа была отправлена директива № 2 наркома обороны о немедленном уничтожении прорвавшегося врага. Границу, при этом, не переходить!

Командир 9-го механизированного корпуса Рокоссовский в 4 часа утра 22-го июня самовольно, без распоряжения совнаркома или министра обороны, вскрыл секретный оперативный пакет, в соответствии с которым дал команду привести корпус в боевую готовность. Самовольно, без приказа сверху, вскрыл склады с горючим и боеприпасами.

Связи с командованием округа не было и, как ни странно, Константин Константинович был отчасти рад этому – никто не мешал. Он потерял страх, перед кем бы то ни было после трёх лет отсидки в застенках НКВД, откуда вышел избитым, с выкрошенными зубами, но не сломленным.

В 14–00 корпус выступил по направлению, указанному в секретном пакете.

Около 6-00 22-го июня собралось бюро Белостокского обкома партии, на котором было решено:

- отправить на восток семьи советских и партийных работников;
- создать чекистские группы для взрыва и уничтожения военных баз и складов.

Первое решение было выполнено сразу, чему свидетелем явился заместитель командующего Западным фронтом (округа, с началом войны, автоматически становились фронтами) генерал Болдин, встретивший в полдень, в тридцати километрах восточнее Белостока, представительский ЗИС-101, который мог принадлежать одному из трёх лиц – первому секретарю обкома Кудряеву, главному КГБ-исту Бельченко или главному НКВД – эшнику Фукину. Машина везла двух женщин, двух детей и огромный фикус в кадке.

Вторую задачу помогли решить немцы – самолёты генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга разбомбили военные склады и базы с боеприпасами и нефтепродуктами, оказавшиеся без какого-то ни было зенитного прикрытия.

В ночь на 23-е из Белостока сбежало всё советское руководство, сбежали все сотрудники органов НКВД и НКГБ вместе с начальниками. О созданных чекистских группах больше никто и никогда нигде не слышал.

Штаб Западного фронта потерял связь с войсками с первых минут войны. Проводная – повсеместно перерезана, радиостанции, места расположения которых были хорошо известны немцам, были разбомблены самолётами люфтваффе.

К полудню 22-го старший лейтенант Быстров, теперь уже майор НКВД Быстров, сидел в засаде на выезде из Белостока к аэродрому.

После ликвидации болтливой мальчишки он, без осложнений, пересёк границ у и, углу бившись в чащу, развернул рацию. Первая часть его группы была переброшена за полтора дня до наступления, за прошедшую ночь резала линии связи в подконтрольном ей районе и ждала вторую часть группы во главе с ним, Быстровым.

Сейчас она находилась приблизительно в тридцати километрах от него. Дав указания по дальнейшей работе, он назначил место встречи, пароли. Курт выбрал по компасу направление и привычным полубегом, которым он, с помощью амфетамина, мог пробежать и 100 километров, последовал на randevu. Он надеялся преодолеть это расстояние за два с половиной, максимум за три часа. Можно было бы поискать транспорт, но рисковать он не имел права – возложенное на него задание было чрезвычайной важности.

Белостокский выступ, наполненный частями 10-й армии русских, был естественной ловушкой для них. Эта армия была обречена на уничтожение, но в выступе находились, помимо двух стрелковых и одного кавалерийского корпусов, два механизированных корпуса – 6-й и 13-й, в составе которых танков было столько, сколько у всей группы армий «Центр». Русские приготовили для нападения на рейх громадное количество складов и баз с

боеприпасами, горючим, продовольствием – ими займутся лётчики Кессельринга, наводку на цели обеспечат засланные заранее диверсанты полка «Бранденбург». Но танковые корпуса – более двух тысяч танков, авиация уничтожить не сможет, здесь нужно другое, дьявольское оружие, предоставить которое мог только адмирал Канарис. Курт был частью этого оружия.

На Белостокский выступ наступали восемь пехотных дивизий вермахта, в составе которых не было ни одного танка. Это был громадный риск – бросить пехоту под танковые гусеницы мехкорпусов. Риск громадный, но командование было уверено в таких, как Курт, знало, что они обеспечат победу вермахту!

В три пятнадцать Курт на бегу отметил далёкое завывание авиационных двигателей. В просвете между кронами деревьев высоко в небе сверкнули серебряные крестики самолётов – авиация шла бомбить дальние цели – Минск, Смоленск, Вильнюс, Белосток. Скоро, с рассветом, «Штуки» – Юнкерсы Ju 87, начнут уничтожать ближние цели – войсковые базы, узлы связи, штабы армий, корпусов и дивизий. И возникнет великая паника, которая превратит многотысячные орды русских в стадо баранов.

Но танки!

Абвер заготовил чёткие сценарии уничтожения механизированных корпусов и главные роли в их осуществлении играли Курт со своей группой и ещё две – по одной в группах армий «Север» и «Юг», с такими же, как он, командирами.

Курт боялся только одного – опоздать!

Скоро послышались взрывы впереди, слева и справа. Всё идёт по плану.

Самолёты люфтваффе, нагруженные бомбами, пролетали низко, стая за стаяй. Отбомбившиеся машины поднимались выше, следуя к аэродромам на польской территории.

Несколько раз Курт пересекал лесные дороги, тропинки – они были пустынными.

Пробежав два с половиной часа, Курт остановился – до места встречи оставались сотни метров.

Он развернул рацию, забросил грузик с антенной на вершину молодой берёзки и снова вышел на связь – он не ошибся, до группы оставалось не более десяти минут бега.

Его остановил крик на хорошем русском языке: – Стой! Пароль?

После обмена паролями из-за кустов вышел сержант-пограничник и пригласил его следовать за ним.

Большая поляна в лесу была обжита. Под деревьями стоял большой шалаш, покрытый еловым лапником, у входа стоял ещё один часовой. Из второго, меньшего, шалаша выскочил его заместитель в форме капитана НКВД, лихо приложил руку к виску и доложил:

– Товарищ старший лейтенант! Группа ведёт сбор информации, как и было приказано!

Поздоровавшись, Курт прошёл в палатку. На самодельном столе была развёрнута армейская рация, радист, левой рукой удерживая колёсико настройки, правой быстро писал в разложенном перед собой блокноте. Он бросил взгляд на вошедшего, и продолжил писать. Заместитель, наклонившись к уху Курта, тихо сказал:

– Штаб фронта русских, последняя директива из Москвы, передают в штабы дивизий и корпусов.

Слева от радиста за небольшим столиком сидел шифровальщик, перед ним лежал журнал радиоперехватов. Курт заглянул через плечо шифровальщика – на расчерченном заранее, с немецкой педантичностью заполненном листе, записывались шифрованные сообщения и рядом дешифровки. Курт повернулся к заместителю:

– Готовое есть?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Здесь радио, посланные открытым текстом, здесь расшифровки предыдущих сообщений, – заместитель передал ему две папочки.

– Мне рабочее место подготовлено?

– Так точно, пройдемте! – заместитель провел его к ещё одному шалашу, стоявшему за шалашом радиста.

В шалаше для Курта был подготовлен столик со стулом, стояла кровать, немецкая, раскладная, убранная свежим постельным бельём.

Курт присел за стол, разложил листки с расшифровками, отдельно – радио открытым текстом, разложил карту с расположением частей 10-й армии, списки командования частей, включавших начальников всех родов войск, штабов, разведок, особых и политических отделов.

Только сейчас начнётся настоящая работа!

На чистом листе бумаги Курт сделал выписки, затем, сверившись с картой, проставил порядок проведения операций.

Первая задача – заставить 6-й механизированный корпус израсходовать горючее и моторесурс до ввода в сражение. Допустить, что этот могучий бронированный зверь начнёт давить наступающие пехотные дивизии вермахта, не имеющие ни одного танка, нельзя!

Проводная связь порезана полностью, армейские радиостанции разрушены бомбардировками, сохранившиеся радиостанции находятся под контролем немцев путём создания массированных радиопомех. В местах возможного передвижения делегатов связи устроены засады.

Курт, связавшись по спецчастоте с центром, запросил три минуты радиомолчания. В течение этого времени в штаб 10-й армии, в штаб Западного фронта были отправлены шифрованные радиogramмы о якобы прорвавшейся в район Бельска танковой дивизии немцев. Открытым текстом якобы командиры полков расположенных там войск докладывали душераздирающие подробности гибели своих подразделений, требовали немедленной помощи. Проверить эти сообщения нельзя – по истечении трёх минут связь была заглушена. Курт подождал, пока радист перехватил приказ о направлении в этот район 7-й и 4-й танковых дивизий корпуса, и перенацелил свои усилия на дезинформацию командования 6-го кавалерийского корпуса, которому, по сценарию абвера, предстояло, совершая пятидесятикилометровые марши, гоняться за мифическими десантами немцев, при этом любое выдвижение конников сопровождалось нацеленными авиаударами.

Знал Курт и о том, что зенитные подразделения армии были далеко от места боёв. Вследствие тонко проведенной операции агентами глубокого залегания в генеральном штабе были организованы фронтовые учения средств противовоздушной обороны в районе Минска. Отзыв их за сотни километров от фронта проводился ещё и под предлогом снять возможность обстрела постоянно нарушавших наше воздушное пространство самолётов Германии, во имя недопущения провокаций.

По опыту боёв во Франции и Польше Курт знал, какую великую роль в победах Рейха играет генерал Паника.

Немцы специально снабдили свои бомбардировщики сиренами, разработали двухкилограммовые бомбочки с радиусом поражения всего пять метров, но при взрыве дающих тысячи мелких осколков. Ужаленный такой мелочью боец становился раненым и имел право покинуть поле боя.

Следующей целью был 11-й мехкорпус. За ним пришла очередь дивизий, полков, получавших сообщения о десантах в тылу, отходе соседей, об окружениях.

Генерал танковых войск Гейнц Гудериан в 6-50 утра переправился на штурмовой лодке через Буг, оперативная группа переправлялась до 8-30, после чего по следам танков 18-й танковой дивизии доехал до моста через реку Лесна. Мост был цел, его охранял русский пост. При приближении группы русские стали разбегаться. Два офицера из группы, вопреки приказу оставаться на месте, погнались за ними и были убиты. Имевший важное значение

мост удерживался группой, пока в 10–25 не подошла передовая танковая рота, за которой следовал командир 18-й танковой дивизии генерал Неринг.

Событие для Гудериана было рядовым, он всегда поступал так, и это обеспечивало ему победы.

Командир 24-го танкового корпуса генерал танковых войск фон Гейер доложил о захвате всех мостов через Буг западнее Бреста.

Внезапность нападения была достигнута на всём фронте возглавляемой им танковой группы. Только крепость Брест яростно сопротивлялась уже в фактическом тылу.

Боевую тревогу командир 6-го механизированного корпуса генерал-майор Хацкилевич Михаил Георгиевич объявил в 2 часа 10 минут. Он не спал в эту ночь, как почти не спал и в предыдущие ночи.

Война, казалось бы, обыденное для военного человека дело, своей непонятливостью – будет? не будет? – изматывала нервы. Приказы, сыпавшиеся из штаба округа, предупреждали о суровой ответственности за провоцирование возможного конфликта. И боевая тревога, объявленная им без приказа сверху, являлась его личным решением, за которое он мог поплатиться должностью.

Объявив тревогу, Хацкилевич приказал вывести танковые подразделения из военных городков в район сосредоточения, юго-западнее Белостока.

Командующий Западным особым военным округом генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов, Герой Советского Союза, вознесённый по прихоти Сталина на высочайший командный пост, элементарно боялся. Боялся потерять должность, боялся, что рядом окажется подчинённый более умный в военном деле, чем он, командир танковой бригады в испанской Гвадалахаре, затем начальник автобронетанкового Управления РККА и вот всего как год командир одного из главных округов. Он боялся присланного в заместители бывшего командующего Одесским военным округом генерал-лейтенанта Болдина – может занять его место. Именно это способствовало тому, что командующим авиацией округа стал генерал Копец, в недавнем прошлом командир эскадрильи, а командующим артиллерией стал преподаватель академии генерал Клич.

Но больше всего он боялся своего хозяина – Сталина. И в угоду ему старался превысить требования, сыпавшиеся из генштаба, о недопущении провокаций, способных развязать войну, к которой, как лично сказал при назначении великий вождь, страна не была готова. Возможно, что кто-то, неизвестный, подсказывал ему на ушко варианты действий, но результатом стало одно – округ был подготовлен к поражению.

Так осталась полностью невыполненной директива Наркомата обороны и Генштаба от 12 июня о приведении войск в боевую готовность, запрещавшую проведение учений, в частности, и целый ряд других мероприятий.

15 июня он распорядился вывести все арtpолки дивизий, корпусов и арtpолки резерва главного командования в лагеря – там они будут под большим контролем и не смогут ответить ударом на провокацию.

По этой же причине не было выполнено распоряжение о рассредоточении авиации по полевым аэродромам.

С самолётов 21 июня были удалены не только боеприпасы, но и снято вооружение.

Ранее средства ПВО были отправлены на учения под Минск.

На утро 22 июня было запланировано опытно показательное учение – «Преодоление второй полосы обороны противника», на место проведения учений были собраны танки, орудия с личным составом, другое оружие, из частей, расположенных в Бресте. Командиры всех рангов этих частей обязаны были присутствовать при этом.

21 июня учение было отложено, но не отменено, командиры разъехались по своим частям. Утром немцам предоставилась возможность расстрелять, как в тире, всё собранное.

Вопреки приказанию заблаговременно выдвинуть войска к границе и занять рубежи обороны многие части войну встретили на марше.

На госгранице были разбросаны 70 мотомеханизированных батальонов общей численностью 40 тысяч человек, строивших оборонительные сооружения. Батальоны были практически безоружными, кое-где вооружением являлись английские винтовки, оставшиеся от гражданской войны.

По распоряжению Павлова склады с запасом боеприпасов, горюче-смазочных материалов располагались на расстоянии 50–60 километров от границы.

На укреплениях по старой границе было снято, как считали, устаревшее вооружение, но новое установлено не было.

В 22–00 21 июня к нему, сидящему на спектакле, подошел начальник оперативного отдела штаба Семёнов:

– Товарищ командующий, из генштаба сообщили, что в ближайшее время придёт важное сообщение, вас просят быть в штабе.

Павлов кивнул, не отрывая глаз от сцены, рукой показал – идите, приду, и продолжал смотреть спектакль. Семёнов, козырнув, удалился.

Директива № 1 Генштаба за подписями Тимошенко и Жукова была принята и расшифрована в 00–45 22 июня.

Павлов явился в штабе округа в 01–00 22 июня. Ознакомился с директивой, просмотрел разведсводки, выслушал доклады начштаба Климовских, начальника разведки.

В 02–00 отдал приказание всем военачальникам прибыть в штабы, предложил объявить боевую тревогу. Выслушал доклады:

– 3 —я армия Кузнецова – войска занимают сооружения;

– 10 – армия Голубева – штабы на местах;

– 4 – армия Коробкова – войска готовы, боеготовность Брестского гарнизона обещал проверить;

– командующий ВВС Копец – авиация рассредоточена, доложил лично, прибыв в штаб вместе со своим заместителем Таюрским.

На звонок Тимошенко в 03–30 ответил: всё спокойно.

В 03–38 Кузнецов: – по всей границе орудийная и ружейно-пулемётная перестрелка.

Проводная связь повсеместно стала пропадать.

Голубев из Белостока в 04–00: – у нас всё спокойно.

Голубев через двадцать минут: – на границе стрельба.

В 04–30 Павлов по ВЧ докладывает в Генштаб о происходящем.

Через десять минут связь прерывается.

В 05–00 Кузнецов: – атаки сдерживаются, связь прерывается снова.

В 07–00 – Голубев: – на всём фронте перестрелка.

Начальник оперативного отдела штаба Семёнов: – взята Ломжа, 6-я кавдивизия пытается его отбить.

113 стрелковая дивизия 10-й армии ведёт бой, батальон связи – в окружении.

Павлов: – приказ 10-й армии – развернуть противотанковую артиллерию в районе Михалово, преградить путь танкам.

Коробков: – 4-я армия будет наносить контрудар на Жабинки.

– Как на Жабинки? Это же 30 километров от границы! Почему? – растерянность Павлова усиливается. Проводной связи нет, радио забито помехами.

Коробков: – корпус Оборина бросаю в контратаку.

Коробков: – пехота отходит к Кобрину.

Командир 14-го механизированного корпуса 4-й армии генерал-майор Степан Ильич Оборин день 21 июня провёл в Бресте в 22-й танковой дивизии своего корпуса. Несмотря на то, что 61-й танковый полк майора Иванюка только что вернулся с полевых занятий, Оборин решил провести внеплановый строевой смотр.

За смотром с интересом наблюдали немцы со своего наблюдательного пункта, расположенного в двух с половиной километрах за рекой Буг.

После ужина Оборин с командиром 22-й дивизии генерал-майором танковых войск Пугановым и его заместителем полковником Кононовым выехали на полигон южнее Бреста, где 22 июня планировалось проведение учений по прорыву второй полосы обороны условного противника.

Осмотр выстроенных для встречи подразделений 28-го стрелкового корпуса и корпусной артиллерии, а также танков Т-26 корпуса, был прерван посыльным из штаба армии, передавшим приказание Павлова отложить учения.

Оборин связался со штабом армии, уточняя – отложить или отменить? Нет, учения только откладываются. Он поблагодарил командиров и приказал им вернуться в свои части, оставив технику и обслугу на месте.

В 03–15 немцы открыли шквальный огонь по разведанным заранее целям. Взрывы накрыли артиллерийские парки, стоянки танков, казармы, склады неприкосновенного запаса, горючего и боеприпасов. Били по домам комсостава, по окружному госпиталю. Была уничтожена большая часть автотранспорта, полностью уничтожен конский состав батарей.

Через двадцать минут после начала немецкой артподготовки, крепость, полигоны с артиллерией и техникой, полевые аэродромы, расположенные вблизи границы, с выстроенными в красивые ряды самолётами, стоявшими без вооружения и боеприпасов, подверглись беспощадной бомбардировке с воздуха. Сумевший взлететь под бомбами лейтенант Кокорев пошёл на таран немецкого бомбардировщика – стрелять ему было не из чего. Это был первый таран в войне.

У многих бойцов не было патронов, их не успели выдать. В места сосредоточения от двух стрелковых дивизий, расположенных в Бресте, явились бойцы, из которых можно было составить не больше двух батальонов, а войска, предназначенные для обороны, не смогли попасть в неё – единственный выход – северные ворота – был перекрыт огнём немецких батарей и выходящими из крепости войсками. В крепости остались и около месяца сражались бойцы и командиры, не сумевшие вырваться из неё, защищавшие свои семьи.

Ничем другим произошедшее, кроме как изменой командного состава, вырвавшиеся из ада не могли объяснить.

Сержант проснулся мгновенно, словно и не спал. Взглянул на часы – 15–10. Осмотрелся – рядом, подложив под щеку ладонь, посапывал Саша Брынцев. Пересчитал спавших – шестеро, значит двое в дозоре, молодец заместитель!

Тронул Сашу за плечо:

– Подъём! Буди всех!

Определился с направлением. Солнце смещается с юга на запад. Посмотрел на карту – если идти по лесам, нужно держать его за спиной. Лучше было бы идти с компасом.

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, – стараясь точно копировать крик птицы, прокуковал сержант, что означало – «Все ко мне!»

Из кустов, через три-четыре минуты появились Липатов и Бойко.

– Что-нибудь заметили? – обратился к ним сержант.

– Ничего, товарищ сержант, – первым ответил Липатов, он был восточнее. – Впереди как будто выстрелы слышались, далеко.

– Так, ясно! Поднялись, пошли! Порядок движения – цепочкой, стараться идти след в след, в пределах видимости впереди идущего. Брынцев первый, я за ним, Баев замыкает. Сигналы прежние. Да не спутайте нас с настоящими птицами!

Ребята заулыбались, а сержант подумал, что сигналы надо придумать другие.

– Саша, держи солнце сзади и чуть правее.

Через двадцать пять минут слышались два двойных Сашиных ку-ку. Михалыч поспешил к нему, стараясь разглядеть оставленные им следы – нужно привыкать быть следопытом. Вот здесь Саша запнулся о кочку, здесь надломил веточку. Отчётливо видны следы на мху.

Направление выдерживал хорошо!

Лес редел, больше попадалось высоких кустов лещины. Впереди как будто просвет и тут он увидел лежащего за кустом можжевельника Брынцева.

– Саша! – негромко позвал Михалыч.

Саша оглянулся, сделал знак рукой – пригнись! – приложил палец к губам – тише!

Михалыч, пригнувшись, приблизился к Брынцеву, лёг рядом, всматриваясь в направлении, куда смотрел Саша.

Впереди, метрах в тридцати, был виден обрыв, за ним виднелась зелёная пойма, за которой снова начинался лес.

«Так, значит, правильно определились – впереди речка, слева, в нескольких километрах, должна быть дорога и мост через неё, – подумал сержант, – надо пробраться к обрыву».

Чуть правее, возле самого обрыва, рос мощный куст лещины.

– Саша, вот к тому кусту, ползком, – и первый, извиваясь, пополз в густой траве. Оглянулся – Саша полз следом, высоко поднимая зад.

«Господи, их даже ползать не учили!»

– Пригнись! Смотри, как я ползу! – свистяще скомандовал он.

Саша начал копировать движения сержанта, получалось.

Михалыч подполз под куст – впереди, метрах в четырёх, под обрывистым берегом медленно текла речка. Дно не просматривалось, вода, как во всех лесных речках, была коричневого цвета. За речкой лежала болотистая пойма, поросшая камышом, рогозом, кустами ивняка и ольхи. Ещё дальше начинался такой же лес. Слева, километрах в четырёх-пяти в направлении на восток двигались конные повозки.

– Эх, бинокль нужен! – вслух произнёс мысль сержант.

Повозки кончились, за ними следовал строй солдат в зеленоватой форме.

– Немцы!

Сашка, не отрываясь, подтвердил:

– Точно, не наши.

«А где наши? – подумал сержант. – Это же наша территория, может её добровольно отдали немцам? Потому и застава эвакуировалась без боя. Чертовщина какая-то! Но почему же нас не предупредили? Мы что – на вражеской территории? А что дальше делать?»

– Смотрите, смотрите! – прервал мысли Михалыча Брынцев, указывая вправо.

По опушке леса, к дороге, рысью, двигался отряд конников. Вот они остановились, видимо старший достал бинокль и стал рассматривать идущую колонну. Оглянулся, что-то приказал, показывая рукой на лес, и развернул коня. Остальные спешно последовали за ним.

– Это же наши! – возбуждённо крикнул сержант, не зная, что предпринять – кричать, стрельнуть из нагана.

– Товарищ сержант, смотрите! – Сашка смотрел уже влево.

Из-за поворота, по опушке, треща моторами и выпуская синие дымки, выскочили пять мотоциклов, в переднем трое, в остальных по двое. На двух мотоциклах – пулемёты.

Сидевший на первом мотоцикле немец в мятом картузе командира, приподнялся на сиденье, поднял руку – мотоциклы остановились. Немец что-то скомандовал, вперёд выехали те два, с пулемётами, развернулись к лесу. Сидевшие в люльках пулемётчики припали к пулемётам и дали длинные очереди в направлении скрывшихся конников. В лесу громко заржала лошадь, хлопнули выстрелы винтовок. Водитель стоявшего ближе к лесу мотоцикла резко вскочил и мешком свалился в траву. Немецкий начальник что-то крикнул, спрыгивая с сиденья, в руке у него был пистолет. Остальные немцы, как заведенные, одновременно соскочили с машин и, пригибаясь, держа винтовки наперевес, развернувшись в цепь, побежали в лес. Пулемётчики, сдёрнув пулемёты с креплений, побежали за ними. Снова захлопали винтовки, из леса выскочила обезумевшая лошадь, отпрянула от мотоциклов и понеслась вправо, на правом боку большое пятно крови, толи её собственной, толи сбитого пулей седока. Минут пять слышались выстрелы винтовок, швейными машинками стучали пулемёты. Стихло.

Из леса вышел немец с винтовкой наперевес, огляделся, повернувшись к лесу, что-то крикнул. Вышли, во главе с начальником, ещё четверо, за ними двое пулемётчиков. Все собрались возле упавшего, командир опустился на корточки, осматривая. Поднялся, махнул рукой – мёртв. Из леса вышли оставшиеся: двое вели взятого в плен русского, окровавленная правая рука висела плетью, третий вёл в поводу двух лошадей. Немецкий командир посмотрел на пленного, что-то приказал, один из немцев достал перевязочный пакет, разорвал его, подошел к пленному и прямо поверх гимнастёрки перевязал ему руку. Командир достал нож, подошёл к русскому, отрезал висевшие у него на поясе сабельные ножны и бросил их в кусты.

Пленного подвели к лошади, посадили в седло, привязали ноги к подпруге. Убитого вложили в коляску, его место занял пулемётчик.

Мотоциклы гуськом развернулись и медленно поехали назад. Седок последнего мотоцикла держал в поводу лошадь с пленным, лошадь без седока привязали ко второму мотоциклу.

Михалыч с Сашей лежали рядом не шевелясь, безотрывно наблюдая картину боя, занявшего всего пятнадцать-двадцать минут.

– Видал, Сашок? – глухим голосом спросил Михалыч.

Саша посмотрел на сержанта – по его лицу текли слёзы.

– Видал, Сашок? – повторил Михалыч, – а наших то было больше!

Позади, с опушки, послышалось «ку-ку», сержант оглянулся: – из-за дерева выглядывал встревоженный Баев. Сержант махнул ему рукой – ложись!

Скомандовал Сашке:

– За мной, ползком!

Достигли опушки, встали.

– Ты почему примчался, Прохор? Тебе где приказано находиться? – голос сержанта потерял свою обычность.

– Так я же.... Тут же стреляли.... Я думал – это в вас... – начал оправдываться Баев.

– Прохор Прохорович! Запомни – это война, и приказ – закон! За неисполнение его положен расстрел на месте или через трибунал!

Баев побледнел, сделал попытку оправдаться.

– Молчать! – сержант менялся на глазах, вместо прораба-строителя, бригадира, сейчас на него смотрел командир.

– Слушаюсь, товарищ сержант! – прошептал он, вытягиваясь по стойке смирно, – больше не повторится!

Сашка, с испугом и удивлением смотревший на них, открыл рот:

– Разрешите обратиться?

– Давай, Брынцев, обращайся.

– Что мы будем делать?

– Пошли к бойцам, посовещаемся.

И они пошли в лес по натоптаным следам.

– Вот смотрите, ребята, – указывая на следы, сказал сержант, – такого не должно быть, мы теперь зайцы, на нас охотники есть!

А сам подумал – а ведь всему этому надо было учить раньше, а сейчас времени нет – пропадём мы ни за понюшку табака! И сигналы наши примитивные – ку-ку. А какие ещё придумывать, кто знает – как и какая птица кричит? И есть ли вообще в этих лесах кукушки?

И снова чёрная тревога поползла в душу – как действовать, чтобы хотя бы нас как котят не передушили. Страх не за себя, за ребят, холодил сердце.

Бойцы, встревоженные близкими выстрелами, сидели испуганной стайкой под раскидистым буком, при их появлении дружно встали, в глазах немой вопрос – что там было?

Коротко, как сам понял, сержант рассказал о боестолкновении нашей и немецкой разведок.

– А дальше вот что, – начал сержант, предугадывая вопрос, – сейчас Баев и Брынцев пройдут по опушке вправо и влево шагов на двести от нашей тропки, залягут и внимательно понаблюдают – что и как. Мы продвинемся по нашей тропке к опушке. Я прокукую один раз – вы вернётесь и доложите, что видели. Ясно?

– Ясно, товарищ сержант! – ответил Баев.

Сашка согласно кивнул.

– Вперёд!

Баев и Брынцев исчезли за деревьями.

Немного подождав, сержант и остальные, всё также, гуськом, пошли к опушке с Михалычем во главе.

Сержант приказал скрытно рассредоточиться по опушке и, не отрываясь, наблюдать за противоположным берегом.

После сигнала Баеву и Брынцеву, которые, прибежав, доложили, что ничего подозрительного не заметили, Михалыч, собрав в кружок бойцов, объявил:

– Будем переправляться через речку. Слева – видите? – по дороге двигаются немцы. Наших не видно, а нам надо к нашим, одни, без оружия, пищи мы не проживём, не продержимся. Сейчас главное – дисциплина. Мои приказы, приказы старших, кого назначаю, – закон! Ясно?

Вразнобой, кто просто кивнул, кто сказал – «ясно», но не нашлось ни одного, кто бы подвергнул сомнению слова командира.

Сержант продолжал:

– Переправляться будем вот там, правее, там спуск к речке лучше, да и с дороги не видно. На той стороне видите ивняк? По нему до конца, а от него до опушки всего метров пятнадцать, их надо ползком. Сдаётся мне, что у немцев есть дозоры, которые охраняют мост от возможных нападений. Уж больно быстро мотоциклисты появились. Первым пойдёт Брынцев. Саша, возьми винтовку, когда достигнешь леса, побегу влево метров сто – видишь кусты? Там спрячься, держи под наблюдением левый фланг. Если что – стреляй, задержи. По моему сигналу бегом назад! А сейчас встали!

Бойцы поднялись, одели вещмешки. Михалыч оглядел каждого – «Ну и воинство! У меня пулемёт, неизвестно – работает ли? – у Шешени ружьё, Сашка с винтовкой. Шестеро со штык ножами. Только и годятся – на охоту идти! Шестеро в загонщики, двое на номерах». Вслух ничего не сказал.

– Всё! Пошли! Саша – вперёд!

Воинство гуськом потянулось за ним. Обернулся:

– Будем переправляться – напейтесь от пуза! У кого пустые фляжки – наберите! По карте впереди лес, речек, ручьёв нет.

Подшли к намеченному кусту, Сашка уже полз пологим спуском к воде. Сержант показал на него:

– Смотрите, как ползёт, видите? Учитесь!

Саша ящерицей спустился к воде, разделся догола, сунул одежду и обувь в вещмешок, поднял его над головой, и, сверкнув белыми ягодицами, юркнул в воду. Река делала здесь поворот и самое глубокое место должно быть у этого берега. Саше было по грудь.

«Ну и слава Богу! А то пришлось бы сооружать плавсредство» – подумал сержант.

Саша торопливо пересёк реку, скрылся в ивняке. Через пару минут, уже одетый, он полз к опушке. Поднялся, оглянулся на них, и побежал влево.

Немного подождав, Михалыч распорядился:

– Я следующий. Баев! Пойдѐшь последним! Шешеня! За мной!

– Слушаюсь! – дружно ответили Прохор и Гнат.

Михалыч пополз к переправе, слушая, как Баев устанавливал очерѐдность.

Переправившись, Михалыч послал следовавшего за ним Шешеню вправо, в дозор, как и Брынцева.

Переправа заняла минут сорок, при этом, конечно, не обошлось без происшествий. Сначала Ваня Денисов перед самым выходом из воды поскользнулся и уронил свой вещмешок, в котором, помимо одежды, находились продукты. Бросившийся спасать драгоценный вещмешок Яша Бунякин кинул свой на берег, но не рассчитал, его мешок тоже упал в воду.

Но, главное, продукты почти не пострадали, а одежду быстренько выкрутили и развесили для просушки в тех местах, куда проникали солнечные лучи.

Распорядившись, чтобы пострадавшие оделись, Михалыч подал сигнал дозорным. Первым прибежал Шешеня, а Брынцева всё не было. Опять тревога – может немцы дозор сняли и сейчас крадутся к ним? Он уже хотел что-то предпринять, но Сашка появился совсем не с того места, откуда ждали.

– Товарищ сержант! Я маленько в лес пробежал, куда немцы наступали. Там наш лежит, убитый. А с моей стороны всё было спокойно, тихо.

Хотел отчитать его Михалыч за самовольство, да подумал, что нельзя инициативу убивать, как – никак, а начальник, мною назначенный.

– Пошли! Баев! Подождите нас здесь.

Брынцев с готовностью потопал вперѐд, вглядываясь в свои следы и оставленные приметы. Они прошли около трёхсот шагов, наконец Саша остановился и показал влево – там, в десяти шагах, подмяв молоденькую рябинку, на спине, раскинув руки, лежал боец. В грудь ему была воткнута его же сабля – работа немцев. Круглая шапка-кубанка с малиновым верхом, валялась рядом.

Русый чуб, невидящие, широко открытые глаза, чуть выше живота – большое мокрое пятно крови, его рана. А смерть он принял от своей сабли, прежде увидев убийцу.

Михалыч нагнулся – карманы гимнастѐрки пусты, в кармане шаровар великая ценность – кресало с трутом, завѐрнутое в платочек.

Больше ничего. Поднял кубанку – на подкладке надпись: – Коля Кравцов. Его ли эта кубанка, друга ли – неизвестно. Будем считать, что его.

Саша, побледневший, топтался рядом.

– Саша, веди всех сюда, похороним бойца, – приказал он, ища глазами место для могилы.

Пока подходили бойцы, кругами обошёл место стычки. В метрах семидесяти, глубже в лес, лежала убитая лошадь, к седлу приторочен вещмешок. Сержант отвязал его – нехитрая

снесь, пара белья, грязноватое полотенце, патроны россыпью, на глаз штук тридцать. Вроде они ни к чему – но взять надо, а вдруг винтовку родную, мосинскую, найдём.

«Итак, наши убили одного немца, ещё одного ранили, потеряли одного убитым и одного раненым, да ещё четыре лошади. Почему не вернулись за убитым?

Нехорошо это!

А вот лошадь убитая, это хорошо, это мясо!»

Дважды ку-ку – Саша привёл бойцов. Ответил. Поспешил к ним, надламывая веточки на уровне груди, метил путь к убитой лошади.

Ребята уже копали могилу, не там, где он хотел, ну да Бог с ней, могилой.

– Прохор Прохорович! Свежевать скотину умеешь?

– Да, товарищ сержант, приходилось, – озадаченно ответил Баев.

– Найди среди ребят ещё пару умельцев, выбери самые острые ножи, возьмите три рюкзака пустых и пойдите по моим следам – я веточки надламывал, там убитая лошадь – срежьте мякоти как можно больше – и сюда!

Проследил – правильно ли взяли направление, вернулся к похоронам.

Пока копали могилу, Брынцев финкой вырезал крест, очистил на нём место для надписи.

– Что писать, товарищ сержант?

Михалыч молча показал ему кубанку и показал надпись. Подошёл к убитому, выдернул саблю, посмотрел на неё – может, пригодится? Нет, применения ей не нашёл, хотел бросить в кусты, но подумал – а вдруг пригодится кому-нибудь? Срезал ножны с пояса убитого, вложил в них саблю, отошёл в кусты и положил её там.

Васин и Денисов взяли труп за руки и ноги, подняли, чтобы уложить в выкопанную могилу, и – о, радость! – под телом лежала короткая кавалерийская винтовка, карабин СВТ – самозарядная винтовка Токарева, определил, с восторгом в душе, сержант. Он даже один раз стрелял из неё!

И патроны есть!

Пока хоронили, правили могилу, устанавливали крест с надписью: – «Красноармеец-кавалерист Николай Кравцов. 22.06.1941 года», подошли Баев, Бойко и Бунякин, неся тяжело нагруженные вещмешки.

– Простимся с товарищем! И погиб недаром! Пусть земля ему будет пухом!

Он встал, снял мятую, с тёмным от пота пятном на верху, фуражку. Ребята окружили могилу, комкали в руках пилотки. Сержант оглядел их, испуганных, ещё раз столкнувшихся со смертью.

– Всё, хлопцы! Хватит! Брынцев! Держи! – он протянул ему карабин, – винтовку отдай Баеву. Давай, Саша, вперёд. Солнце держи за спиной и чуть левее. Баев замыкающий!

Михалыч взглянул на часы – пятнадцать минут седьмого, – потеряли три часа, но кое-что приобрели, уже не голые. Поднял пулемёт на плечо, оглянулся – ребята дружно собирались, деля между собой поклажу.

Они шли два часа на восток, ориентируясь по солнцу. Пару раз на ходу сержант глядел на карту, но там только зелень леса, никаких ориентиров. Ребята стали спотыкаться, доносились чертыхания. Михалыч выбрал поляну под мощным, раскидистым дубом, остановился, подал сигнал – «Все ко мне!»

Когда собрались, объявил привал. Ребята попадали на прошлогодние листья, пилотками вытирали потные лица.

– Будем разводить костёр! – и оглядел сидевших, выискивая менее уставших, – Бойко! Возьми у Брынцева карабин и вперёд на сто шагов, в дозор. Денисов! Возьми у Баева ружьё и назад на сто шагов. Когда пища будет готова, подменим.

Заметил недоумённые взгляды Прохора и Саши:

– Брынцев, ты же лесной человек? Вот возьми с собой вот, хотя бы Липатова, и наберите дров, да таких, от которых дыма не будет. А тебе, Прохор, задача – резать мясо тонкими ломтиками, будем вялить, без этого пропадёт оно.

В небе по-прежнему слышались гулы пролетающих самолётов, издалека доносились глухие удары разрывов бомб, но на это уже не обращали внимания.

Принесли две охапки сухих сосновых и еловых веток.

Проблема – как установить вычищенную кастрюлю, чтобы вскипятить воду. Подвесить не за что – нет проволоки, чтобы сделать дужку. Нет ни камней, ни кирпичей. Сержант попробовал вырыть ямку, но края её осыпались.

Вот и проблема!

Михалыч выбрал два еловых сука потолще, топором укоротил их, уложил по краям вырытой ямки. Конечно, будут гореть, но, будем надеяться, что не успеют. Ребята с интересом смотрели за его действиями – пусть учатся. Ещё и ещё подумал – как всё не просто!

На дне ямки устроил домик из тонких веток, зажёл пучок сухой травы спичкой, сунул в основание домика. Тощий костерок быстро занялся бездымным огнём. Сержант поставил на подготовленные основания кастрюлю, вылил в неё воду из трёх баклажек и начал кормить огонь всё более и более толстыми веточками.

– Баев! Порежь мясо кусочками, штук тридцать-сорок, и давай сюда. А оставшееся продолжай резать ломтиками, возьми бечёвку, нанизывай на неё мясо и подвесь её вот там, где ветерок гуляет. И поставь смотрящего, чтобы муха не села! Подожди, – спохватился, – подсоли ломти немного, с обеих сторон и подожди, пока соль растает.

Бросил в кастрюлю кусочки мяса, подсолил воду, сунул ложку – не пересолить бы, воды маловато, чтобы жажду утолить.

Наблюдал, как выполняются его указания, как двигаются ребята, оттаивая от главного испуга и свалившихся на них событий, связанных с войной – это уж точно, война!

Он смотрел, как хозяйственный Баев, расстелил рюкзак, который почище, ровными рядками раскладывал ломтики мяса, солил их, потом переворачивал, снова солил, экономя соль. Рядом стояли добровольные помощники, нанизывали их на бечёвки и подвешивали с низки между двумя суками могучего дуба.

– Сколько получилось? – спросил Михалыч, имея в виду мясо, подготовленное для вяления.

– Килограммов двенадцать уже будет, – оценил на глаз Баев.

– Мало. Нарезь ещё несколько кусков для варки, а остальное всё вялить!

Вода в кастрюле закипела, потянуло вкусным духом. Михалыч усмехнулся, увидев, как заходили кадыки у ребят, глотавших голодные слюни.

«Хорошо, что бечёвку взял, а то бы сейчас на прутиках вялили» – похвалил себя сержант.

Отец его, Михаил Дмитриевич, сполна познал ужасы безумной революции, голод двадцатых, даже пытался от него уехать в Сибирь, да вернулся в изодранной рубахе и таких же портах, поясняя, что дыры образовались от чрезмерного употребления белого хлеба. Михалыч, не видевший никогда белого хлеба, а временами и чёрного, с сомнениями, но верил отцу.

Михаил Дмитриевич, хлебнувший горя по полной, стал очень бережлив, любую, ставшую ненужной вещь, он долго рассматривал так и этак, соображая – на что она может ещё пригодиться?

И Михалыч это качество перенял у отца полностью.

Между тем варево было на подходе, Михалыч вынул кусочек мяса, попробовал – готово. Жестковато, но сойдёт, быстро не поглотают.

– Саша, нарви-ка папоротника побольше!

Сашка бегом принёс охапку резных листьев.

Михалыч разложил на земле папоротник, сделав своеобразную скатерть, и выложил на неё сварившееся мясо.

Баев, Шелупеня, Бунякин старательно пластовали мясо, остальные нанизывали его и подвешивали готовые гирлянды на дерево.

Остались обрезки, сержант собрал их и положил в кипящую воду. Добавил воды.

– А теперь, Прохор Прохорович, подели мясо на девять кучек. Костёр будем поддерживать до сумерек, ночью палить нельзя – вдруг кто бомбу сбросит – поминай, как звали! – говорил сержант, наблюдая, как Баев делит мясо. – И идти ночью не будем. Навыка нет, нарвёмся запросто на кого-нибудь, а то и на пулю своих. Пока идём лесом, будем идти днём!

Баев, раздав по куску хлеба, разложил на кучки готовое мясо и попросил Яшу Буняка отвернуться. Показывая на кучки, – кому? – быстро распределил еду, включая и командира.

«Молодец, хорошо сделал, без обид будет» – подумал сержант.

Заметив, что некоторые глотают быстро, попросил:

– Ребята, жевать надо медленно, с чувством.

Юмор поняли.

Сержант, прожёвывая очередной кусочек, продолжал:

– Покушаем, возьмёмся за изучение оружия. А то всё бежим, бежим..

Увидел, что все покушали:

– Давайте кружки.

Самой маленькой доставал из кастрюли навар и разливал его поровну. Ребята откусывали хлеб и, обжигаясь, запивали ароматным и сытным бульоном.

Сержант оглядел повеселевшие лица, закурил. От первых затяжек слегка закружилась голова. Подумал: – бросать надо! Никчемное и ненужное занятие, никакой пользы, одна демаскировка.

«А если бы не было вот этого обеда? Как бы мы смотрелись?» – подумал, походя, и приказал:

– Бунякин и Шелупеня – в дозор! Бунякин – вперёд! Не спать! Поменяем через два часа. Оружие возьмёте у ребят.

Дозорные ушли. Через считанные минуты появились Денисов и Бойко.

Денисов, пост которого был на подветренной стороне, пожаловался:

– Все слюнки проглотил, товарищ сержант! Такой дух!

– Ты потише глотай, помедленней, чай не крокодил, – вступился Баев, показывая его долю. Он начал привыкать к начальническому положению и бессознательно копировал старшину роты. Михалыч усмехнулся – где теперь Крикун, на кого покрикивает? Кого поучает?

Саша ждал в нетерпении, когда Михалыч бросит папироску, первую за весь этот непредсказуемый день, чтобы начать знакомиться с оружием, под которым он подразумевал только немецкий пулемёт, остальное он, в силу природной любопытности, уже изучал. И винтовку Токарева держал в руках.

Даже целился из неё.

Сержант начал с бельгийки, которую и сам не знал точно. Но ничего особенного – затвор, снизу магазин на пять патронов. Он отвёл затвор – из ствола вылез патрон, похожий на немецкий. Вот и вся премудрость. Разбирать затвор не стал, во-первых – ни к чему, а во-вторых – целиться надо научить, да на спусковой крючок правильно нажимать.

– Слушайте сюда. Наша задача на сегодня простая – научиться стрелять из трёх положений: стоя, с колена и лёжа. Показываю.

И сержант показал эти положения.

– А чья это винтовка, товарищ сержант?

– Не знаю, – честно признался Михалыч, – может, английская, может, французская, а может и бельгийская. Немцы всю Европу под себя подмяли, всех пограбили. А теперь, ребятки, посмотрите, как правильно выстрелить. Надо прицелиться, затаить дыхание и плавно, легко нажать на спуск.

Ясно? – и, не дожидаясь ответа, предложил Брынцеву начать первым тренироваться.

Делая по ходу тренировки замечания, он смотрел, как бойцы выполняют упражнение, определяя лучших, которые могут стать настоящими стрелками.

Конечно – хорошо бы пострелять боевыми, да кто ж их даст, боевые патроны?

Итак, получилось, что из восьми человек реально стрелками можно назвать четверых – Брынцева, Баева, Денисова и Шешеню.

У Васина дрожат руки, Бойко спуск дёргает и глаза закрывает.

Михалыч отправил в дозор смену с бельгийкой, с тем, чтобы принесли карабин СВТ.

Брынцев чуть не вырвал СВОЮ винтовку из рук Буняка и подбежал к Михалычу с ней:

– Расскажите о ней побольше, товарищ сержант!

– Смотрите, товарищи, – начал он, приняв от Саши оружие, – самозарядная винтовка Токарева, – СВТ, если короче, имеет магазин на десять патронов. Клацать затвором не надо, патрон, после выстрела, сам лезет в дуло.

Все подержали и СВТ в руках, взводили затвор, целились, шелкали бойком. Михалыча подмывало использовать хотя бы восемь боевых патронов, но жадность победила – а вдруг отстреливаться? – да с такими стрелками? Нет!

Наигравшись оружием, все дружно начали поглядывать на конфетку – немецкий пулемёт.

Усмехнувшись, он подозвал Брынцева:

– Вырежи мне орешинку вместо шомпола, Сашок, будем пытаться этого крокодила реанимировать.

Сержант вытащил ленту с оставшимися патронами и начал бережно очищать ствол от копоти, грязи, трогая всякие крючочки, кнопочки. Он абсолютно не знал, как обращаться с пулемётом.

«Хоть бери да лови немца, – пусть объясняет!» Нажал какой-то рычажок и вдруг ствол подался и выскочил из своего места. Михалыч испугался – неужто от жары немецкая сталь лопнула? Оглядел со всех сторон – всё в порядке, догадался: от жары ствол расширяется, воздуха через щели в кожухе не хватает для охлаждения, вот немцы и придумали стволы менять!

Взглянул на заходящее солнце через канал ствола – с трудом, но просматривается родное солнышко!

Саша притащил три ровных прута, сержант выбрал один поровнее, намотал на конец приготовленную тряпочку, примерил – в самый раз. Насадил на кончик второго прут кусочек сала, подержал над костром и как только сало начало капать, вытащил его из костра и поставил под капли выструганный шомпол. Скоро тряпочка стала мокрой от сала и сержант стал драить шомполом ствол. Копоти было много, пришлось тряпочку два раза менять.

Наконец, ещё раз взглянув на солнце, решил – хватит.

Не без труда вернув ствол на место, Михалыч потянул рычаг затвора, взвёл боёк, нажал на спусковой крючок. Боёк сухо щёлкнул. «Порядок! – про себя подумал сержант радостно, – порядок! Теперь надо проверить выстрелом».

– Ну что, стрельнём? – поглядел на обступившую публику. По лицам, горящим глазам, понял: – да! да!

– Ищите мишень, дальность – двести шагов.

Указал направление на север, там просматривался коридор между деревьями. Баев отмерял шаги, а Брынцев с топором шёл следом, оглядываясь и вырубая кустарник, мешавший прицелиться. Вместо мишени – белый носовой платок, его и прицепили на уровне груди к старой осине.

Михалыч постелил ватник, положил для упора один из вещмешков, прилёг, поставил сошки на мешок, прицелился – вроде всё в порядке, позвал к себе Прохора с Сашкой, подождал, пока они пополнят число зевак, дал команду всем лечь на землю – мало ли что?

Предельно волнуясь, вложил в канал ствола патрон, который ещё утром вытащил из него, отпустил затвор. Прицелился, нашел перекрестьем пятно платка, прошептал про себя – «Благослови, Господи!» и нажал спусковой крючок.

Выстрел звонко разорвал тишину леса. Пулемёт работал!

Ура! – вразнобой крикнули бойцы и без команды побежали к мишени. Михалыч вскочил и потрусил за ними. И вот уже Брынцев, прибежавший первым, показывает маленькую дырку в уголке платка. Снова разнобойное ура.

Сердце Михалыча колотилось – и от бега и от волнения. Он снял платок, проверил – всё точно, пуля ушла в глубину ствола. И, глядя на преображённые радостью лица, только сейчас до конца осознал великое значение этого выстрела. Этот выстрел – это значит, что мы не беззащитны, что, если всё делать разумно, по уму, мы сможем выжить! И сможем сражаться!

– Спокойно, хлопцы! Тише! Теперь каждый из вас должен проделать с пулемётом тоже, что и я, а вездесущий Брынцев проверит правильность ваших действий. Как начштаба, сможешь?

Сашка прежде всего прорепетировал всё сам, не обращая внимание на подсказки и язвительные подколы друзей, потом начал тренировать остальных. Пришли возбуждённые дозорные, которым сменщики всё рассказали, но они молодцы, не побежали в лагерь в панике, не нарушили приказ командира покидать самовольно пост. Пришли и сразу включились в работу по освоению оружия.

А Михалыч сел, подстелив ватник, прислонился к стволу дуба и смотрел на эту кутерьму, размышляя о предстоящем.

Он несколько раз слышал вспыхивавшие среди его бойцов разговоры, споры на тему – что да почему. И сам он постоянно думал о причинах происходящего.

Самое простое – измена высшего командования. Предшествовавшие войне годы – 37-й и другие, показавшие как много шпионов не только среди простых командиров, но и среди маршалов, звания которым давал сам Сталин. Видно, не всех расстреляли, не всех обезвредили, вот оно сейчас и вылезает наружу. Немцы прут пёхом – а где же наши тысячи танков? А где наши самолёты? Тысячи самолётов! Ни одного не пролетело. Сколько раз задирали лицо в небо с надеждой увидеть красные звёзды, а там кресты и кресты!

Но мы-то не собираемся изменять своей земле, своим близким, своим деревням. Это им, маршалам, за измену сулили золотые горы, наверное. А нам что? Рабство и ничего больше!

«Нет, я сдаваться не собираюсь, – чуть не вслух сказал Михалыч, – никому ещё Русь завоевать не удавалось, не удастся и фюреру!»

Между тем солнышко садилось, на лес опустилась тихая вечерняя заря. Ночью, конечно, холодно будет, но не росно, в лесу росы не будет, роса выпадет по лугам да опушкам.

С Баявым и Брынцевым определились с дозорами, дежурить будут по три человека – два в дозорах, а один разводящий, у него будут часы, он будет и следить и приходить будить смену. Дежурство – по два часа. Подъём – сразу, как развиднеется.

С этим и уснул.

Директива № 1 Генштаба вместе с приказом командующего Западным фронтом генерала армии Павлова поступила в 10-ю армию в 10–30 утра.

В 3-ю армию генерала Кузнецова она так и не поступила, поэтому командование армии поступало по своему разумению. Так, когда 29-я танковая дивизия 11-го танкового корпуса генерала Мостовенко согласно плану прикрытия сосредоточилась в лесу юго-западнее Гродно, от командующего армией в 09–00 поступил приказ: «Противник с целью спровоцировать конфликт и втянуть Советский Союз в войну перебросил на отдельных участках государственной границы крупные диверсионно-подрывные команды и подверг бомбардировке некоторые наши города...». Далее предлагалось уничтожить этого противника, но границу не переходить. Дивизии предлагалось наступать на северо-запад от Сопоткина.

А следом офицер связи доставил приказ командира корпуса, который требовал наступать на юго-запад.

В 10–00 командир дивизии отдал приказ, который удовлетворял оба полученных приказа – один танковый полк наступал на юг, второй – на запад. Зенитного прикрытия в корпусе не было – войска ПВО были на сборах под Минском, поэтому наибольшие потери танковые полки понесли от авиации. В штаб корпуса было доложено о подбитых 18-ти танках немцев, в то время как у немцев в пехотных дивизиях не было ни одного танка.

По немецким же сведениям только одной 8-й пехотной дивизией генерала Хёне 22-го июня под Гродно было подбито 80 русских танков. Здесь, кроме 8-й, наступали ещё две пехотные дивизии – 162-я и 256-я.

В первом эшелоне 3-ей армии находился 4-й стрелковый корпус в составе 27-й, 56-й и 85-й стрелковых дивизий. К отпору они не были готовы, и уже через несколько часов командарм Кузнецов с дрожью в голосе докладывал Павлову, что от 56-й дивизии остался только номер.

Гродно во второй половине дня был сдан врагу. Кузнецов сообщил, что армейские склады при отходе были взорваны, а генерал Штраус, командующий 9-й армией, доложил Гальдеру о захвате богатых трофеев.

В 19–00 в Белосток, в штаб 10-й армии Голубева прибыл заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант Болдин. Ему приказано организовать конно-механизированную группу для уничтожения прорвавшегося врага. В эту группу вошли самый мощный в Красной армии 6-й механизированный корпус генерала Хацкилевича, 11-й механизированный корпус генерала Мостовенко и 6-й кавалерийский корпус генерала Никитина. Контролировать действия будет посланный туда же маршал Кулик.

Корпус Хацкилевича при выходе из военных городков подвергся атакам немецких самолётов, при этом главные потери понесли тылы корпуса. Под бомбами погиб начальник отдела тыла подполковник Холуднев.

Сгруппировавшись в районе юго-западнее Белостока, корпус практически весь день простоял без дела. Никаких данных об обстановке корпус не имел, связь с вышестоящим командованием была неустойчивой. По собственной инициативе командования корпуса в сторону границы по Варшавскому шоссе был направлен 7-й разведывательный батальон майора Антонова из состава 7-й танковой дивизии, но никакого противника обнаружено не было.

В 22–00 через делегата связи от Павлова был получен приказ следовать на юго-запад в район Браньска для уничтожения прорвавшейся туда танковой дивизии противника. Пройдя 140 километров, танкисты противника не обнаружили и повернули назад, так как поступил новый приказ – следовать назад, в район Валпа – Грудек для уничтожения прорвавшейся туда танковой дивизии, которая также оказалась мифической.

В 23–40 Болдин получил приказ Павлова перебросить танковые дивизии корпуса в район северо-западнее Белостока, в то время как они уже следовали в район северо-восточнее.

На дорогах из-за бездействия дорожных служб образовались громадные пробки бегущими из района Белостока тылами 10-й армии и беженцами, предоставив авиации немцев абсолютно безнаказанно уничтожать любые цели. Что и было сделано.

Помимо потерь от авиации корпус сжёг горючее, осталось только четвёртая часть заправки, и в середине дня Павлов требует доставки горючего самолётами, которых к этому времени уже не стало. Кстати, запасы горючего для фронта находились за тысячи километров, в Майкопе.

В течение всего дня генерал Гудериан сопровождал 18-ю танковую дивизию, в 16–30 направился к мосту, дорога через который вела в Колодно, оттуда в 18–30 поехал на свой командный пункт.

Вечером 22июня Франц Гальдер в своём дневнике отметил, что русское командование оказалось неповоротливым, потерявшим всякое представление об обстановке. Вывод: – в ближайшее время оно вообще не в состоянии организовать противодействие наступлению немцев.

Сводка Главного Командования Красной Армии за 22.06. 1941 года.

С рассветом 22июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Чёрного моря и в течение первой половины дня сдерживались нами. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточённых боёв противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два в 15 км и последнее в 10 км от границы).

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населённых пунктов, но всюду встретила решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолётов противника.

23.06.1941 г. День второй

Немцы начали бомбить танковые дивизии 6-го мехкорпуса в 04–00 утра 23-го июня в районе сосредоточения и на марше. Непрерывные бомбёжки продолжались в течение пяти часов, затем был перерыв на два часа, очевидно на завтрак, и снова налёты в течение пяти часов. Авиация действовала совершенно безнаказанно. За время бомбёжек было потеряно полторы сотни танков, но наиболее пострадали тылы дивизий, абсолютно беззащитные и наиболее подверженные панике. Горели реммастерские, заправщики танков, полевые кухни, санитарные службы. Узкая дорога и густой лес с болотами по сторонам делали невозможным рассредоточение техники.

Метались командиры, бойцы, лошади, образуя невообразимые пробки. Слышались крики: – «Десанты! Немцы обходят!» – генерал Паника праздновал победу!

В леса разбегались менее стойкие, они первыми построятся в скорбные колонны и пойдут на запад, под жидкой охраной немцев.

В 14–00 корпус получил новый приказ – выдвинуться к местечку Сокулка и снова атаковать прорвавшуюся танковую дивизию немцев. Вместо танковой дивизии разведка обнаружила мелкие группы танков, поддерживающих пехоту и конницу. Впрочем, танков там не было, за них принимались бронетранспортёры, вооружённые пулемётами. Корпус же смог сосредоточиться только к 11–00 24-го июня, без тылов и без горючего.

Саша Брынцев разбудил сержанта в 04–00. Горел бездымный костерок, в кастрюле закипала вода, плавали чаинки. На ковре из листьев папоротника лежали девять кучек вареного мяса из той, вчерашней порции.

Умываться, чистить зубы, было нечем. Сбегав «до ветру», Михалыч увидел сидящими пятерых – трое были в дозоре. Пожелав сидящим приятного аппетита, он взял первый кусочек из своей кучки, дав этим сигнал к завтраку.

Прожёвывая жёсткое мясо, непрерывно думал о предстоящем дне, анализировал день прошедший.

Достал карту. Куда идти?

Кое-какие продукты есть, но мало воды. Пригласил Гната. Вдвоём долго разглядывали квадратики построек, синие жилки рек и ручьёв, зелёные поля, означающие леса, чёрные прожилки дорог.

Будь в наличии оружие, можно было бы идти смелее, а в существующем виде – только зайцами.

Михалыч снова и снова прокручивал в памяти вчерашнюю стычку немцев и наших, отмечая слаженность действий экипажей мотоциклов, чёткое выполнение команд.

В начале пятого утра над головой завывали моторы немецких самолётов. Все, как по команде, подняли головы вверх – там, в лучах рассвета, на разных высотах, летели на восток немецкие самолёты. Их было много, очень много.

Почти у всех шевелились губы – считали, потом бросили – счёт переваливал за полсотни.

Через 10–15 минут на востоке заухали глухие удары, словно кто-то забивал сваи.

Михалыч первым нарушил тягостное молчание:

– Не журитесь, хлопцы. Там, – он показал на восток, – наши! Кончайте завтрак! – и первым подал пример, наскоро проглотив мясо, кусочек хлеба, обжигаясь, выпил полкружки сладковатого чая.

– Снимайте мясо, вялить будем на следующей стоянке. Кладите в два рюкзака. И всегда делите пополам, всегда.

Сержант уже наметил маршрут следования. Впереди, на востоке, через 15–20 километров, есть речка. Она делает заметный поворот. Его надо найти, тогда точно определим своё место.

– Всё! Пошли! Порядок прежний!

Михалыч подумал, что надо как-то отрегулировать сигнализацию, хватит куковать. Во время вчерашнего похода несколько раз слышал настоящих кукушек, даже останавливался, но кукушкины ку-ку заметно отличались от наших, да и куковали они больше трёх раз подряд.

Стал вспоминать звуки птиц, слышанные им на гражданке, но ничего, пригодного для дела, кроме уханья филина, вспомнить не мог. Но он, кажется, ухает по ночам и в сумерки – нет, это не подходит.

Решил на привале с ребятами посоветоваться, вопрос очень важный.

Их окружал великолепный лес. Деревья с огромными кронами – дубы, вязы, клёны, берёзы, осины, изредка попадались сосны. В низинах росла чаще всего ольха, кусты лещины, черёмуха. Подлеска практически нет. Внизу мох, заячья капуста, кустики костяники.

Старых, упавших, гниющих деревьев не было. Лес был частным, поэтому за ним ухаживали, сушняк убирали.

Три раза пересекали тропки. Михалыч останавливался, искал следы. Подходили ребята, помогали, но тщетно! Следов людей не было.

А самолёты с характерным завыванием летели и летели. Туда и обратно. Туда – на низкой высоте, обратно – повыше.

«И тут экономят немцы, – про себя подумал сержант, – пониже грузёные, повыше – разгрузившиеся».

Уханье взрывов заметно перемещалось на юго-восток.

«Значит, бомбят какую-то колонну», – вспомнив спрятанную в лесах под Белостоком технику.

Они шли два часа, пока сержант не нашёл подходящую полянку, и кукуками позвал идущего впереди Брынцева на привал.

Солнце висело над восточной стороной леса, ветра не было, ночная прохлада сменялась влажным теплом.

Ребята подходили, скидывали рюкзаки, вытирали выступивший пот. Попросили разрешения снять гимнастёрки. Сержант разделся и сам, бросив потные гимнастёрку и майку на кусты, чтобы проветрились. Подумал, что надо бы и постираться.

Когда ушли дозорные, которых Баев назначал сам, не спрашивая разрешения, Михалыч объявил:

– Привал полчаса. Кто из вас знает какие-либо, подходящие для этих мест, звуки? За два часа, что я шёл с вами, ни одной кукушки, кроме нас, – ребята засмеялись, – не слышал. Знающий человек сразу определит, что за птички шастают. Ну, кто первый?

Первым вызвался Гнат.

– Я не знаю, как эта птичка называется, но кричит она вот так, – сложил губы в трубочку и произвёл полусвист, полуписк. В лесу немедленно кто-то отозвался таким же звуком. Все, несмотря на гнетущую тревогу, дружно рассмеялись. Гнат, смотревший на них удивлённо, понял и заулыбался.

– Тише, черти! И когда вы взрослыми станете? Саша, – обратился к Брынцеву, ты же лесной человек, родом из брянских лесов, вспомни что-нибудь подходящее.

– Да я уже и сам думал, что можем докуковаться до неприятностей. Вот разве... – задумался он.

– Что? – не выдержал Михалыч, – что?

– Дятел, когда сук долбит, далеко слышно. А ещё он любит по сучку просто так, ради звука, наверное, ударять – на весь лес треск идёт!

– Точно, Саша, это вариант. Кто ещё подскажет?

Ничего более толкового никто не предложил. Голоса домашних зверей и птиц, хрюканье, мычание и прочие деревенские звуки были отвергнуты.

– Ещё охотиться на нас начнут, – резюмировал Михалыч. После недолгих поисков нашли подходящие сухие палочки при соударениях издававшие звонкие звуки. Договорились о сигналах. Изготовили девять комплектов. Некоторые звуки отличались, такие комплекты получил командный состав.

Полчаса пролетели незаметно. Сержант обговорил с Брынцевым будущий маршрут, солнце будет заходить на юг и это надо учитывать.

Речки или ручья они должны достичь через полтора-два часа.

– Всё, в путь!

И снова, цепочкой, на пределе видимости друг друга, они двинулись на восток.

«Хорошо, что солнце есть, а то бы блудить начали», – подумал Михалыч.

Он шёл, глядя под ноги, не выпуская из поля зрения Сашу. Солнце поднималось всё выше, в лесу было душно от высокой влажности. Гимнастёрка стала мокрой от пота. Надоедливо звенели комары, которых становилось всё больше, впереди, очевидно, либо была низина с речкой, либо болотце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.